

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВЫБОР

АННА БЕЛИНСКАЯ

18+

Анна Белинская

Выбор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69451225

SelfPub; 2023

Аннотация

Счастлив ли тот, кто имеет право выбора? Не знаю, не пробовал. Мне не дали выбора, когда навязали роль «плохиша», когда выбрали за меня профессию и работу, когда отобрали любимое дело и мечту. Я всегда был вторым, в тени старшего брата. И как бы я не старался, я всегда не дотягивал, всегда не соответствовал. Я просто существовал в мире навязанных ценностей, стереотипов и обязанностей. А потом появилась она – девчонка с веснушками и маленькой родинкой над губой... Эта история о прощении, принятии себя, о дружбе и, конечно, о любви: немного неправильной, порой жестокой, но обязательно взаимной!

Содержание

1. Максим	4
3. Максим	13
4. Саша/Максим	16
5. Саша	20
6. Саша	23
7. Саша	27
8. Максим	34
9. Саша	38
10.Максим	46
11. Саша	50
12.Максим	57
13.Саша	64
14.Максим	69
15. Максим	73
16.Саша	80
17. Максим	85
18. Саша	93
19. Максим	104
20. Саша	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Анна Белинская

Выбор

1. Максим

Бах, бах, бах...

Твою ж мать...

Бах... бах... бах...

Да выключите уже эту зубодробилку! Или это перфоратор?

Я открываю один глаз, потом второй, шурюсь...

Яркое солнце ослепляет, как его отключить?

Вожу глазами по комнате, пытаюсь отыскать настенные часы, но голова ужасно кружится, зрение расфокусировано, все плывет...

С трудом приподнимаю голову и тут же адские «вертолетки» начинают свое авиашоу.

Переворачиваюсь на бок, шарю по полу рукой в поисках телефона. Пусто. Сколько ж время?

Бах, бах бах...

Виски долбит, голова раскалывается. Во рту, как в помойной яме. Нет, хуже. Как будто там кто-то сдох. Или что-то. Наверное, моя совесть.

Хочется пить. Да, дико хочется пить.

Бах, бах, бах...

Rrrrrrr-rr-rrrrrr... А это еще что?

К звукам перфоратора добавляется другой, похожий на собачий грубый лай и рычание. Откуда у нас дома кобель? Или я не дома?

– RRR-rrr, рав-гав... rrr-rrrr... совсем охренел? – ух ты, не хило я вчера надрался, что собаки говорящие мерещатся... почему-то голосом отца.

– Гав-гав, rrrrrrr... лишу, на хрен, денег тебя, щенок неблагодарный...

А, все-таки отец!

– Очнулся? – рычит Иван Сергеевич, мой отец.

– И тебе доброе утро, – в подушку мычу я.

Он стоит у окна, сложив руки на груди, и испепеляет меня взглядом. У-ух! Глаза дьявольски горят, брови сведены к переносице, губы поджаты. Бесится! Шикарное зрелище!

– Через пятнадцать минут. В столовой. И только попробуй не притащить свою пьяную задницу, – цедит сквозь зубы.

Уходит, демонстративно хлопнув дверь. Специально, потому что знает, как мне сейчас хреново.

Поднимаюсь. Меня ведет из стороны в сторону, в ушах звенит, а к горлу подступает противная тошнота. Резко срываюсь с места и еле успеваю добежать до туалета, благо в моей комнате он свой, как содержимое моего желудка извергается в унитаз.

Н-да-а... Последний стакан был явно лишним. Или несколько последних. Усмехаюсь. Смотрю на себя в зеркало, висящее над раковиной, люблюсь. Синие круги залегли под глазами, волосы растрепаны в разные стороны – красавая, че. Та-ак. А это что? На шее багровеет красное пятно. А вот еще одно – около уха. Стараюсь вспомнить, что вчера было: пятница, клуб, столик, громкая музыка, выпивка... много выпивки, какие-то люди, танцы, потом пьяные танцы, смех, толпа, темнота, запах пота и алкоголя, мужской туалет... Наташка! Точно Наташка! Вчера перестаралась. Или она не Наташка? Оля? Лена? Похрен... Наклоняюсь к раковине и прямо из-под крана жадно пью воду. Так-то лучше.

Приняв наспех контрастный душ, почистив зубы и переодевшись в свежую одежду, спускаюсь в столовую. Отец сидит за столом, в длинном банном халате, держит газету и якобы читает. На самом деле он делает вид, будто ему это интересно. Так себе пародия на итальянского мафиози! Ему еще сигары в зубах не хватает! Откуда у него эта манера, я не знаю, но мне дико смешно, и каждый раз приходится стискивать губы, чтобы не заржать! Аль Капоне фигов!

– Доброе утро! – здороваюсь со всеми.

Отец, комкая газету, бросает ее на стол и смотрит на меня грозно.

– Сынок, милый, доброе утро! – мать начинает суетиться, увидев меня. Ее настороженный взгляд мечется то ко мне, то к отцу. Она знает, чем дело пахнет! Мать старается быть

амортизатором между мной и отцом. Всегда пыталась сгладить наши ссоры и конфликты. А они у нас каждодневные. И с каждым разом все изощреннее и изощреннее. У нас с батей сложные отношения. Вернее сказать, нездоровые, катастрофически токсичные отношения.

– Сынок, тебе кофе сделать? Ой, а это что? – мать подходит ближе и вглядывается куда-то в область моей шеи. – Аллергическая сыпь, что ли?

Я непроизвольно дотрагиваюсь рукой до места предполагаемой сыпи и вдруг вспоминаю: Наташка! Или Ленка, или Олька!

– Ага, ма, аллергия! – давлю довольную лыбу. – На Ивана Сергеевича! – откровенно начинаю ржать!

Мать охает, прикладывая ладонь ко рту.

Отец бесится, когда я называю его по имени-отчеству дома. А мне хорошо. Вскидывает на меня озлобленный взгляд. Знаю, батя, как ты меня «любишь»! И это взаимно!

– Веселишься? Ну-ну! Скоро я повеселюсь, когда лишу тебя денег, машины и всего, что у тебя есть! – взрывается отец.

Ну вот, начинается, даже кофе допить не успел! Скрещи-ваю руки на груди, откидываюсь на спинку стула. Я готов принимать удар, готов к словесному бою, упрекам, обвинениям и приказам. Все это не ново.

Но мне плохо. Меня все еще мутит, голова кружится, хочется завалиться на кровать и уснуть. А вместо этого я сижу

напротив отца и слушаю его гневную тираду:

— Это уже ни в какие ворота не лезет. Наше с матерью терпение лопнуло! — сокрушается отец, размахивая перед моим носом руками. — Ты посмотри на себя, на кого ты похож, в кого превратился!

Я опускаю взгляд и делаю вид, будто рассматриваю себя, стряхиваю невидимые пылинки с плеч.

Любания, наша повариха, незаменимая помощница, человек, которого я искреннее уважаю в этом доме, прыскает со смеху, когда ставит на стол завтрак. Отец бросает на нее гневный взгляд и Любаша, от греха подальше, тут же испаряется на кухню. Забери меня с собой, а!?

— Во сколько ты вчера пришел? Да и, спрашивается, зачем? Ну и оставался бы там, где надирался со своими тупыми друзьями! Ты меня не уважаешь, это давно понятно, но мать хотя бы побереги! Она места себе не находит. Вчера опять давление подскочило, — продолжает отец.

Смотрю на эту худенькую женщину с печальными глазами и не чувствую ровным счетом ничего. Во мне нет ни жалости, ни сочувствия, ни чувства вины и раскаяния. Пусто.

Она смотрит на меня с жалостью, без осуждения, но с тревогой и отчаянием. Да, ма, твой сын такая вот скотина. Но, как говорится, что посеешь...

— У тебя одни гулянки, попойки и веселье на уме. Не надоело еще? Тебе самому не противно от себя? Тебе 25 лет! — двадцать пять лет, а прозвучало, как пятьдесят пять!

Морщусь.

– Тебе 25 лет уже, – продолжает отец, – да я в эти годы уже был женат, воспитывал сына и пахал, чтобы моя семья ни в чем не нуждалась! У меня была ответственность! И мозги!

– Сочувствую! – ухмыляюсь я.

Зря, я это ляпнул. Черт меня тянул за язык. Сейчас бы дослушал и спокойно свалил в свою комнату досыпать, а теперь же придется задержаться на неизвестно сколько времени.

– Что ты сказал? – уже конкретно так орет Иван Сергеевич. – Полин, ты слышала? – обращается к притихшей матери, всплескивая руками. – Он мне сочувствует?! Да я тебя обеспечил всем, у тебя было и есть всё. А что ты добился в свои годы, мерзавец?

– А я просил? – теперь уже взрываюсь я. – Просил меня обеспечивать? – наши взгляды сталкиваются в немом поединке. Мы смотрим друг другу, сражаясь. – Я бы добился! Но ты на корню обрубил все мои цели и планы. Забыл? – ору.

Он понимает, о чем я говорю. Молчит. Дышит рвано. Зубы стиснуты так, что кажется сейчас раскрошатся.

Вскакиваю. Иду в холл, нахожу на комодке ключи от Камара, хватаю куртку с вешалки и выхожу во двор.

Солнце печет изрядно. Жарко. Или это у меня внутри всё полыхает?

Сажусь в машину, завожу движок и срываюсь с места, подняв облако пыли. Подальше от этого дома.

2. Саша

– Ма-ам, я устал, мне жарко, я хочу пить, – хнычет Никитка.

Мы идем пешком домой.

Сегодня суббота и у меня выходной – единственный день, когда я затариваюсь продуктами на всю неделю. А больше мне некогда. Завтра я буду убираться, готовить, гладить...

На улице действительно жарко. Я и сама взмокла, но то ли от жары, то ли от неподъёмных сумок. Погода в этом году удивляет: конец апреля, а жарит, как в июне. Безветренно, солнечно, сочная свежая травка, зеленые пышные деревья, одуванчики! Мне нравится! Люблю весну! Жду весну! Весна пахнет! Пахнет обещанием и надеждой. Каждый раз кажется, что именно эта весна принесет нам с Никиткой что-то новое, хорошее... Но ничего не происходит, вот уже 6 лет: весна приходит и уходит, забирая несбывшиеся мечты с собой до следующего года.

Я иду впереди, груженная полными пакетами, ручки которых больно впиваются в ладони. Липкая испарина неприятно облепила тело, а влажные волосы на затылке раздражающе щекочут взмокшую шею. Сын плетется сзади и несет пакет с хлебом, булочками и печеньем, а за хрупкой сгорбленной спинкой болтается рюкзак с формой. По субботам у Никитки проходят тренировки по футболу. Мой мальчик дико устал: двухчасовая интенсивная тренировка, марш-бросок пешком до рынка, базарная толкотня и обратная дорога домой – вымотают кого угодно, что уж говорить про шести-

летнего ребенка.

– Я пи-и-ить хочу, – жалобно подвывает сын.

Подходим к супермаркету и собираемся войти в магазин, как пакет с луком и картофелем неожиданно рвется: овощи рассыпаются по дороге, а у меня наворачиваются непрошеные слезы на глаза. Да что ж это такое? Бросаю пакеты на землю, ползаю на коленках, собирая овощи. Мимо проходящие люди сочувственно смотрят на мои потуги, некоторые равнодушно перешагивают или пинают в мою сторону укатившийся лук, но никто не пытается помочь. Никто. Мне жутко стыдно, неловко и обидно. Сын бросается мне на помощь, но я останавливаю его, указывая на свободную скамейку у дороги, и прошу ее занять. Кое-как собираю овощи в рванный пакет и отношу на лавочку.

– Никит, посиди здесь. Я оставлю сумки, поохраняй, пожалуйста! Быстро куплю воду и новый пакет, хорошо? – спрашиваю сынишку.

Никитка – очень ответственный ребенок, мой бессменный помощник, мой единственный заботливый мужчина. Я ему доверяю и знаю, что не ослушается.

Никита молчит и его внимание направлено не на меня. Он стоит с открытым ртом и, кажется, не дышит. Смотрю и пытаюсь понять, что так овладевает вниманием моего ребенка. Ярко-желтая машина! Я и сама на время зависаю, но быстро прихожу в себя.

– Мама! Мама, это же Самаго! – кричит восторженно сын.

– Что? – не понимаю.

– Ну КамАро, мам, ты че?! Вот это тачка, мам! Ты знаешь, что у нее восьмицилиндровый двигатель, мощностью 445 лошадиных силы? – поучительно объясняет мне Никитка.

– Пф-ф, конечно, знаю! Только всякими комарами и интересуюсь! – Господи, откуда он это все берет?

– Не комарАми, а КамАро! – вздыхает Никитка. И лицо такое снисходительное делает, что чувствую себя тупицей.

– Ладно. Я пошла. Никуда ни с кем не ходи, – напутствую я и несусь в магазин.

3. Максим

Выхожу из маркета и открываю бутылку с холодной водой. Руки трясутся, не слушаются: то ли от вчерашней попойки, то ли от разговора с отцом. Или от одного и другого вместе. Залпом опустошаю практически всю бутылку и бросаю в рядом стоящую урну. Мимо. Черт. Сегодня явно не мой день. Прохожие неодобрительно косятся на меня, хмыкают, но никто ничего не говорит, потому что всем насрать. Насрать на друг друга, насрать на этот город, страну и землю в целом. Каждый думает только о себе. Лучше промолчать, не связываться и притвориться слепым, глухим и немым. Так проще и безопаснее. Гребаный эгоистичный мир. Мы все любим обсудить и осудить... но ничего при этом не делать.

Поднимаю бутылку и опускаю в урну.

Мне по-прежнему хреново: тошнота не отпускает, голова тяжелая, а ярость раскаленной лавой обжигает все нутро. Забрасываю в рот две подушечки мятной жвачки и направляюсь к машине.

Я вижу, как у моего Камара трется какой-то пацан: заглядывает в окна, приседает и подтягивается на носочках, чтобы лучше разглядеть. Не трогает. Хочу шугануть, но отчего-то передумываю. Вспоминаю себя мелкого – я вот так же восхищенно разглядывал крутые тачки и мечтал, что когда-нибудь у меня будет спорткар. И намечтал, но счастливым ме-

ня это не сделало.

Подхожу ближе и останавливаюсь рядом с мальчуганом. Он меня не замечает, потому что с неприкрытым интересом и ртом заглядывает в салон.

– Нравится?

Пацан испуганно дергается и хлопает огромными глазами, но не отходит.

– Еще бы! Шестое поколение, 6,2 литра, восьмиступенчатая трансмиссия! Я такие только в энциклопедиях видел! – хера се, задвинул пацан!

– Десяти, – говорю ему, усмехаясь.

– Что?

– Десятиступенчатая автоматическая трансмиссия, – поясняю.

У пацана комично падает нижняя челюсть, а на лице появляется выражение, полное удивления, неверия и детского восторга.

Щелкаю брелоком сигнализации, и двери начинают подниматься вверх. Да, мой кровопийца умеет произвести впечатление!

Пацан от изумления вскрикивает и начинает радостно подпрыгивать на месте.

– Ва-ау! – пищит малой. – Как в крутых фильмах! Дядь, а можно за рулем посидеть? – смелеет пацан и смотрит умоляющими глазами.

– Валяй, – лениво киваю и, не сдерживаясь, зеваю в ку-

лак. Сегодня я в ударе: никому и никогда не позволял прикасаться к своему Камару, а уж тем более садиться. Яркий кровопийца всегда собирал кучу зевак, но лишь этот мальчуган смог так ненавязчиво меня уделать!

Уступаю место, жестом приглашая за руль. Голубоглазый осторожно присаживается, ласково касается приборной панели и смешно шевелит губами. Привалившись к двери, хлопаю по карманам и выискиваю пачку сигарет, но в этот момент мои перепонки разрывает истошная сирена:

– Никита! Никита! Что происходит?

4. Саша/Максим

Саша

– Отойдите от моего ребенка! Я вызову сейчас полицию, – ору не своим голосом.

Я старалась по-быстрому сбежать в магазин за чертовым пакетом и водой. Но на кассах такие очереди, что пришлось задержаться. Безумно нервничала, все-таки сыночек там один. Хоть Никитка – умный и ответственный мальчик, но он ребенок, а страшных случаев с похищением детей немыслимо много.

Выбегаю из супермаркета и глазами ищу Никиту. Вижу лавочку, пакеты с продуктами, а вот моего ребенка нет. Оглядываюсь по сторонам, ощущая, как внутри все холодеет. У меня начинают трястись руки, а ноги становятся ватными. В голове мгновенно всплывают факты о похищениях, насилии и всей той мерзости, о которой страшно даже подумать. Ужас опутывает меня липкой паутиной. Кручу головой, мечусь по лицам людей, но Никитку не нахожу.

Подбегаю к скамье и пытаюсь отыскать в своём рюкзаке телефон. Что нужно делать в таких ситуациях? Куда звонить, куда бежать? Ругаю себя последними словами. Господи, как можно быть такой непутевой мамашей?

– Ва-ау! Вот это тачка! – где-то рядом слышу родной голосок.

Оборачиваюсь и вижу ту самую яркую желтую машину: двери открыты и подняты вверх. Рядом стоит какой-то мужик в солнцезащитных очках, улыбается. А в салоне машины... не может этого быть...

В салоне мой сын...

Срываюсь с места и начинаю истошно кричать:

– Никита, Никита! Что происходит?

Подбегаю к мужику, на ходу выуживая из рюкзака газовый баллончик. С недавних пор он всегда при мне.

– Отойдите от моего ребенка, я вызову сейчас полицию! – наставляю баллончиком на мужика.

– Так, спокойно, мамаша, – мужик поднимает ладони, показывая, что не опасен, а потом нарочито медленно снимает очки.

А мужик – вовсе и не мужик. Молодой парень.

– Мама, мама, – испуганно лопочет Никитка.

– Сынок, выходи из машины. Что этот дядя тебе сделал? Он тебя обижал? Может что-то предлагал? Господи! – меня прорывает, как водосточную трубу. Поток вопросов сыплется как песок.

Максим

– Э-эй, дамочка! – пытаюсь перекричать заведенную мамашку, но она меня в упор не слышит.

– Сынок, родной, с тобой все в порядке? – осматривает парнишку.

– Да все с ним нормально! Успокойтесь уже. И аккуратнее

с этой штукой, — кивком головы указываю на баллончик в ее руке. Эта ненормальная забыла, что ли, про него, размахивая им во все стороны?

Только я успеваю об этом подумать, как чувствую сильнейшее жжение в глазах.

— Твою мать, — ору я. — Какого хрена? — Глаза начинают непроизвольно слезиться, а горло першить. Закашливаюсь, утыкаясь носом в локоть. — Ребенка убери отсюда.

Пацаненок кашляет и судорожно хватается ноздрями за воздух.

Сквозь пелену слез вижу в открытом рюкзаке этой идиотки бутылку с водой. Выхватываю довольно резко и даю пацану пить. Смачиваю руки, плескаю себе в лицо водой и умываю пацана. Девчонка ошарашенно стоит и смотрит с застывшим ужасом на лице.

Пришибленная какая-то.

— Никитка, Никитка, сынок... Господи, прости, милый, — отмирает эта ненормальная и бросается к сыну.

Сегодня однозначно хреновой день! А он, на минуточку, только начался...

Мамаша утаскивает голубоглазого к скамье и начинает сутиться над ним.

Сажусь в машину.

Ну на хрен, пусть сами разбираются.

Вот какого черта я повелся на пацана?

Опускаю двери и завожу мотор. Последний раз бросаю

взгляд на мальчишку, но встречаюсь с полыхающими страхом, злостью и ужасом глазами девчонки.

– Истеричка, – напоследок бросаю в окно.

– Маньяк, – слышу в ответ и срываюсь с места.

Кем я только не был в этой жизни и, кажется, меня уже ничего не могло удивить. Но маньяк? Seriously?

5. Саша

– Никит, ты как?

Господи, мне так страшно: сердце бешено колотится, того и гляди выпрыгнет из груди, а слезы застилают глаза. Я ведь не собиралась распылять баллончиком, всего лишь хотела припугнуть, но, видимо, случайно нажала. Ничего не соображала, чисто материнский инстинкт сохранения и защиты своего дитя. «Незнакомый человек затащил под каким-то предлогом ребенка в машину», – всплывают заголовки из газетных страниц. Сколько таких случаев в жизни?! Вот, о чем я думала в тот момент.

Жаль, что не успела запомнить номера. Хотя машина запоминающаяся, вряд ли в городе найдется с десятков таких ярких желтых иномарок.

– Мам, да все нормально.

– Никита, вот скажи, зачем ты сел к чужому дяде в машину? Ведь мы столько раз с тобой это обсуждали, смотрели ролики. Сынок? Он тебя чем-то заманил? Что он тебе сказал? Может, игрушку или конфеты предложил? – я присаживаюсь перед сыном на корточки и беру его за руки.

– Ничего, мам. Ничем он меня не заманивал. Я сам, – виновато шепчет Никитка и опускает голову.

– Что сам? – удивленно смотрю на сына.

– Сам попросил посидеть за рулем.

– Ох... – вырывается из меня.

– Прости, мам, я подвел тебя, расстроил. Но мне так хотелось ее потрогать, – плачет сын и вытирает мокрые щеки кулачками.

У меня сжимается сердце. Мой наивный, любимый сынок. Крепко обнимаю своего автолюбителя и реву вместе с ним. Больше ни за что и никогда не оставлю его без присмотра.

Никитка – самое дорогое, что у меня есть. Я воспитываю его одна: горе-папаша слился сразу, как только узнал о моей беременности. Молодая наивная второкурсница поддалась чарам бывалого пятикурсника Романа, ставшим первым парнем, первым мужчиной и первым в жизни козлом. Что ж, бывает...

Мой сын – лучшее, что со мной случилось за всю 26-летнюю жизнь, и каким бы ни был засранцем его биологический отец, любовь у меня к Нику безусловная и всеобъемлющая. Можно долго рассказывать, как мне было тяжело одной, без мужской поддержки, студентки факультета психологии, как сложно было потом совмещать грудного ребенка и учебу. Мама поймут! Вот и моя мама меня поняла и поддержала. По сей день не устану благодарить родителей за помощь.

Мои родители живут в области, но, когда я родила Никитку, мама переехала на время ко мне в город, в мою однокомнатную съемную квартирку. Папа работал, помогал деньгами, а мама сидела с новорожденным внуком. Я через три

месяца после родов вернулась в институт – доучиваться последние курсы. Трудные были времена: сессии вперемешку с бессонными ночами под крики неспящего Никитки, детские болезни одновременно с практикой, нервные срывы, истерики и прочие материнские радости. Казалось, вот отдадим Никитку в садик и станет полегче. Но ни тут-то было! Оказалось, что детский сад – это когда неделю ребенок ходит, а две – лечится дома, и так по бесконечному кругу!

У меня не было выбора и мне пришлось успешно окончить Институт. Мой руководитель дипломной работы предложил работу в научно-практическом центре медико-социальной реабилитации, где занимал хорошую должность. Я согласилась на неполный рабочий день, до обеда. А после того, как Никитке исполнилось четыре года, иммунитет окреп и в садик мы стали ходить стабильно, мама вернулась в область, а я вышла на полный рабочий день.

6. Саша

Ненавижу понедельники! Как же я ненавижу понедельники! Это просто сюр какой-то! Со мной всегда что-то случается именно по понедельникам! Я практически ни разу не пришла на работу в понедельник вовремя. Вот и сейчас я дико опаздываю. А по понедельникам, как на зло, у нас планерка.

Всё из-за чертовых шишек! Да-да, сегодня виноваты шишки.

Не знаю, почему в чате группы садика не проинформировали, что сегодня нужно принести шишки для поделок. И Никитка почему-то мне не сказал. И вот, сплавив ребенка воспитательнице, я, как партизан, бегала по кустам вокруг детского сада в поисках сосновых шишек. Насобирала корявых, совершенно отвратительных природных материалов, но тут уж не до эстетики было, отнесла в группу и рванула на работу.

Мое утро расписано по минутам. Поход за шишками совершенно не входил в утреннее расписание. В это самое время я должна была ехать по направлению Центра, однако, стою на остановке и смотрю в «зад» ушедшему автобусу. Прекрасно.

Научно-практический центр медико-социальной реабилитации, в котором я работаю четыре года реабилитационным психологом, считается одним из лучших в России. По

сей день неустанно благодарю своего наставника, научного руководителя моей дипломной работы и заведующего отделением, высококвалифицированного врача-психотерапевта, да и просто прекраснейшего человека – Манукяна Георгия Артуровича за то, что когда-то проникся моей ситуацией, поддержал и помог устроиться в этот Центр.

У нас сплоченный коллектив, мы – одна дружная семья и вместе делаем одно большое дело – помогаем людям с заболеваниями и травматическими поражениями опорно-двигательного аппарата, черепно-мозговыми травмами и острыми нарушениями мозгового кровообращения.

Каждый понедельник я прохожу квест под названием «Как не спалиться». Суть заключается в том, чтобы проскочить в кабинет незамеченной. Мой рабочий день начинается в 9 утра, а сейчас на часах 9.45 и у меня есть 10 минут до начала всеобщей планерки в конференц-зале.

Осторожно забегаю в холл, озираясь по сторонам, сворачиваю налево на лестницу для посетителей. Вообще, лестница для персонала и служебный лифт находятся по правой стороне, но туда мне нельзя, обязательно встречу кого-нибудь из коллег. Поэтому отточенными движениями поднимаюсь по лестнице на третий этаж, вглядываюсь в длинный коридор, убеждаюсь, что заведующего в зоне видимости нет, и ныряю в свой кабинет.

Я сказала в свой кабинет? Забудьте! Это я погорячилась!

Выдаю желаемое за действительное! Здесь нас четыре реабилитационных психолога, у каждого свое рабочее место. Но я мечтаю, что однажды у меня будет свой личный приемный кабинет с удобным диванчиком, расслабляющей обстановкой и приятной атмосферой! Ну знаете, такие, как в фильмах показывают: пациент лежит, закинув ногу на ногу, руки заложены под голову, а рядом я с гипнотическим маятником в руке!

– Жукова! – Жукова – это я, – 9:52! – подмигивает мне Леша. – Привет! Сегодня на 3 минуты раньше, – не стесняюсь, ржет мой коллега.

Леша – единственный мужчина в нашем бабьем царстве. Он каждый раз сообщает мне время моего прихода и делает ставки на следующий понедельник. Такая у нас с ним забава.

– Иду на рекорд! Привет! – улыбаюсь я.

– Вика с Еленой Васильевной уже ушли. Идем скорее, – потирает меня Алексей.

Мы заходим в большой конференц-зал. Народу уже собралось полно. По понедельникам в 10 утра у нас общее собрание всех отделений Центра. За кафедрой стоит главврач, высокий крупный мужчина. Мы с Лешкой переглядываемся, не в силах сдержать улыбки. Наш главный где-то под два метра ростом, но халат он, почему-то, надевает на несколько размеров меньше. Это смотрится настолько комично и нелепо, что каждый понедельник вызывает у нас с Лешей приступ несдержанного хохота. И почему ему никто не скажет

об этом?

Мы пробираемся сквозь ряды в поисках свободных мест. Вся середина и последние ряды заняты. Правильно, никто не хочет попасть под раздачу главврачу. Нам ничего не остается делать, как сесть на второй ряд. Эх, а вот если бы я не опоздала, то сидела бы сейчас на галерке и спокойно искала в интернете идеи для поделки к празднику 9 Мая в детском саду.

Пока Александр Владимирович активно вещает о новейших высокотехнологичных методах реабилитации, о новых поступивших пациентах, согласовывает с зав отделениями схемы лечения и комплексной реабилитации, я в этот момент с волнением думаю, что сегодня у меня по расписанию работа с «особенным пациентом».

Принято считать, что психолог – это не врач. Мы не ставим диагнозы, не выписываем лекарства и потому люди, обращающиеся к нам, – не пациенты. Но тогда кто? Клиенты, посетители? Лично я всех своих подопечных называю «пациентами». Ведь мы тоже лечим! Лечим душу, лечим сердце, помогаем справиться с болью. Не медикаментозно, а словами, разговорами, добрыми поступками и человеческим отношением.

7. Саша

– Александра Вячеславовна, – обращается ко мне заведующим отделением Георгий Артурович, – Андрей Павлович сообщил об успехах Филатова. Весьма похвально! Я доволен своим решением – передать Филатова вам, – стараясь быть незаметным для всех, подмигивает мне наш зав.

После общей планерки Георгий Артурович собирает наше отделение медико- социальной реабилитации у себя в приемной: психотерапевтов и нас, четверых психологов. На таких совещаниях мы совместно обсуждаем и обговариваем принципы и схемы лечения каждого пациента в индивидуальном порядке.

Верник Андрей Павлович, опытный врач-психотерапевт, сидит на стуле, закинув ногу на ногу, убедительно кивает нашему заву в знак подтверждения сказанных Манукяном слов.

Я довольно улыбаюсь и скромно опускаю глаза в стол, а сама мысленно танцую победную чачу!

Четыре года я работаю в этом Центре, два из которых я набиралась опыта, как говорил Георгий Артурович, сидя на приемах в платном консультативном центре при нашем НПЦ (научно-практический центр) обычным психологом. Я наблюдала за коллегами – опытными психологами, психотерапевтами во время их работы с пациентами. Спустя два года

меня перевели в отделение медико-социальной реабилитации под началом Манукяна в должности клинического психолога. Помню, как тогда прыгала от счастья! Мой максимализм и уверенность зашкаливали, я считала, что достаточно умна и теоретически подкована, чтобы сидеть на приеме и слушать душевные излияния депрессивных подростков и их неуравновешенных родителей, толстосумов, с их страхами о потере доходов, молодых мамочек, стрессирующих после рождения ребенка или разведенков, поливающих грязью бывших мужей.

Я рвалась в бой. Хотела по-настоящему помогать, я чувствовала, что мое место там, где идет ожесточенная борьба жизни и смерти, где преодолеваются тяжелейшие преграды на пути к восстановлению, излечению, а, возможно, и принятию неизбежного.

У 70 % людей, попадающих на реабилитацию, механизмы преодоления проблем не работают. Прежде всего потому, что никто из них не ожидает таких проблем, не готовит себя к ним. Любому пациенту, а тем более находящемуся в инвалидном кресле или прикованному к постели, очень важно укрепить в себе уверенность, что он может справиться с возникшими трудностями, сможет найти силы принять сложившуюся ситуацию и начать жить дальше. Вот тогда начинается наша работа – реабилитационного психолога, человека, готового слышать и слушать.

Моих первых «пациентов» Георгий Артурович «отбирал»

сам. Курировал, подсказывал, советовал, всегда присутствовал во время моей работы. В свободное плавание отпускать меня не решался, тем самым давал возможность набраться опыта и квалификации.

За неполные два года работы у меня были разные случаи. И страх падения у мужчины после производственной травмы на нефтяной платформе, и панические атаки после аварий, работа с постинсультными пациентами, расстройства сна и когнитивные нарушения у пациентов с черепно-мозговыми травмами. И, в принципе, все эти случаи были обратимые, то есть подлежали корректировке и стабилизации эмоционального состояния.

Четыре месяца назад мы проводили на пенсию еще одного члена нашего коллектива – Анну Ивановну. И, естественно, Георгию Артуровичу пришлось в ускоренном режиме распределять ее пациентов среди нас. Благо у нее их было не много, все-таки человек возрастной, уже тяжело было справиться с большой нагрузкой. И вот тогда наш зав впервые, не боясь, доверил мне одного из пациентов Анны Ивановны. Совершенно особенный случай, интересный (для меня, как клинического психолога), требующий предельного внимания.

– Александра Вячеславовна, задержитесь, пожалуйста, – просит Манукян по окончании совещания.

Коллеги, шумно переговариваясь, покидают приемную, и мы остаемся одни.

– Саш, ну теперь рассказывай! – не церемонясь, начинает зав.

Наедине Георгий Артурович обращается ко мне на «ты». Это фривольное обращение не оскорбляет меня, даже наоборот, создает между нами некую родственную связь. Я ведь помню, когда была его студенткой, как он по-отечески меня поддерживал, сопереживал, помогал. От его «Саш» всегда на душе как-то тепло становится! Я знаю, Георгий Артурович благосклонен ко мне, он не раз говорил, что хочет сделать из меня высококвалифицированного специалиста, что видит во мне потенциал и какое-то особенное, присущее мне качество.

– Филатов – большой молодец, – улыбаясь, говорю я. – Он...он старается.

Мой новый «особенный пациент»... Целых два года Анна Ивановна работала с Филатовым. Диагноз – сенсорная афазия*, нижняя параплегия ** в следствие черепно-мозговой травмы.

– Удивительно, за два месяца такие результаты! Анна Ивановна за 2 года не смогла добиться того, что мы имеем сейчас.

Это правда. Когда Анна Ивановна передавала мне Филатова, у нас был долгий разговор. Она рассказала, что пациент сложный, всякий контакт и попытки восстановления когнитивных функций пресекал, отказывался от работы с логопедом-дефектологом, игнорировал занятия. Но при этом

лечащий врач-невролог сообщает о положительной тенденции изменения в состоянии больного.

– Ну-уу... у него не было мотивации, – пожимаю плечами.

– А сейчас, стало быть, есть?! – приподнимает свои широкие темные брови Георгий Артурович.

– Он раскрывается! Начал прилагать усилия, поверил в себя и свои силы! Мы нашли общий язык! – воодушевленно рассказываю я.

Была б моя воля, я бы вообще кричала о наших с ним успехах! Но сейчас я боюсь спугнуть это тонкое, хрупкое, по кирпичикам выстроенное доверие между нами.

– То есть только спустя четыре года он поверил в свои силы и начал бороться? – хмурится зав.

– Он находился в стадии отрицания и долгое время не мог принять сложившуюся ситуацию, – я начинаю нервничать, не понимая, к чему клонит Манукян.

– А может его мотиватором выступила именно ты, Саша? – прищуриваясь, вглядывается мне в лицо заведующий. – В пятницу приходила его мать с просьбой о дополнительном времени с тобой. Им мало тебя два раза в неделю.

– Серьезно? Я этого не знала...

Я удивлена. Очень. Помню, как рассказывала Анна Ивановна, что Филатова чуть ли ни силком отправляли к ней на занятия, а он устраивал истерики, проявлял агрессию, отказывался всячески с ней контактировать. Значит, я на верном пути. И это не может ни радовать!

– Я постараюсь подыскать для него свободное время, если вы считаете это возможным и необходимым.

– Нет, ты не поняла. Они хотят с тобой заниматься в индивидуальном порядке, Саш. Платно.

– О... – это всё, что я могу выдать из себя.

Если честно, я никогда не рассматривала свою работу с коммерческой стороны. И как бы это пафосно не звучало, но для меня первостепенно – помощь и результат. Желательно позитивный.

– Я даже не знаю... я никогда... – сомневаюсь, закусывая нижнюю губу.

– Я посоветовался с Верником, – перебивает меня Манукян. – Он утверждает, что в последнее время Филатов заметно оживился, приступов агрессии не наблюдается, а самое главное, Филатов согласился поработать с логопедом. Поэтому не вижу оснований для отказа. И, Саш, тебе с Никиткой нужны деньги, как ни крути. В этом нет ничего особенного, – уверенно говорит Георгий Артурович.

На самом деле мне нужны деньги, это правда. Я хотела летом свозить Никитку к морю, перед школой немного закалить. Поэтому лишняя копейка не помешает.

– Хорошо, – так же уверенно стараюсь выглядеть я. – Подберу для Филатова удобное время.

– Хорошо, – согласно кивает зав. – Передам родителям Филатова твои контакты. Договоритесь что да как.

Благодарно улыбнувшись, собираюсь уходить.

– Саша! – неожиданно зовет меня Манукян, когда я практически выхожу из кабинета. – Хотя... нет... ничего. Иди работай, – опускает глаза зав.

Странно. И что это все значит?

**Афазия – (утрата речи) – повреждение речевого центра в головном мозге*

*** Нижняя параплегия – утрата движений в двух нижних конечностях*

8. Максим

– Максим? – удивляется мать, когда входит в кухню. – Почему ты не на работе?

Правильный вопрос, мам!

Время три часа дня, а я сижу дома, пью кофе и болтаю с Любашей.

– Устал, – театрально вздыхаю я, показывая нечеловеческую усталость. Лениво потягиваюсь.

Любаня смеется. Вообще, мне кажется, в этом доме Любаня единственная, кто понимает юмор. Ну и, собственно, меня. Обожаю эту полную, пахнущую корицей и булочками, женщину!

– Ааа... – протягивает мать и недоверчиво косится то на меня, то на Любашу.

На самом деле я свалил с работы. Вчера опять лег спать под утро, отмечали чей-то день рождения, но почему-то платил снова я. К 9 утра отец притащил меня на завод, посадил в отдел технического контроля, что-то наказал перепроверить и ушел. Там я и преспокойно уснул. Прямо за столом.

И всё бы ничего, но я проспал совещание со всеми завами, замами, начальниками и другими «несчастливыми». Отец ураганом ворвался в кабинет и разорался, как ненормальный, схватил за шкурку, как дворового вшивого кота, и потащил на собрание.

Полчаса я пытался слушать, честно. Даже убедительно кивал, когда какой-то «зам-зав-начальника чего-то там» распилился о несоответствии чего-то чему-то. А потом я зевнул. Громко. И отец меня удалил с совещания... Вернее вышвырнул, как всегда, приправляя отборным матом.

– К четверем к Дане придет психолог, – воодушевленно сообщает мать. Равнодушно пожимаю плечами. Мне не интересно. – Михаил Андреевич сказал, что появились улучшения, – продолжает мать. – Да я и сама это вижу! – деланно радостно обращается родительница к Любаше, хотя эта вся информация предназначена специально для меня. Я это знаю.

– Улучшения? – равнодушно спрашиваю. – Теперь он громче молчит?

Знаю, что грубо, знаю, что жестоко. Но я и не претендую на звание «Брат года».

Мать смотрит на меня с упреком и осуждением, но ничего не говорит. Да, ма, ничего не изменилось: я, по-прежнему, та еще скотина.

– Максим... – порицательно качает головой Любаня и отворачивается.

И эта туда же...

– Проходите, пожалуйста. Вот сюда можно повесить. Конечно... Будьте как дома, – слышу обрывками щебетание матери из холла. – Как добрались? – уже отчетливее доносится

до меня.

Понятно, мать ведет мозгоправа сюда знакомить.

– Спасибо, хорошо, – о, а это уже интересно. Мозгоправ оказался мозгоправкой. – У вас очень уютно.

– Максим, познакомься, – ну кто бы сомневался, – Александра Вячеславна, психолог Дани.

Сажу в гостиной на диване и листаю соцсети. Поднимаю голову, чтобы поздороваться и спотыкаюсь... Спотыкаюсь о знакомое лицо.

Она смотрит на меня огромными глазами. Узнала.

Мы прожигаем друг друга взглядами, и первым нарушаю раскаленную тишину я.

– Психолог? Серьезно? Ты психолог? – вскакиваю и смотрю на девчонку, которая совсем недавно прыснула мне в лицо газовым баллончиком. На ту, которая обозвала меня ма-
неньком.

– Максим, я прошу тебя проявить уважение к нашей...

– Ты считаешь, что человек, который не может совладеть со своими эмоциями, может помочь другому? – перебиваю ошарашенную мать. – Ты в своем уме?

– Ну знаете ли... Да вы... – вот и пришибленная отмерла и подала голос. – Да как вы смеете меня так оскорблять? – срывается с места и несется к входной двери.

– Истеричка ты, а не психолог! – кричу ей вдогонку.

Мать стоит, как вкопанная, и непонимающе смотрит то на меня, то в след убегающей девчонке.

– Мужлан неотёсанный, – доносится из прихожей.
Мужлан? Кто вообще сейчас так говорит?

9. Саша

– Мужлан неотесанный, – как-то само по себе вырывается из меня.

Плевать, что могла услышать хозяйка. Мне плевать сейчас на все. Я хочу уйти.

Господи, это же надо?!

Пытаюсь отыскать свою кожаную куртку. Ха-ха, кожаную, ага! Из кожи овцы такой же, какой я сейчас и являюсь по сути. Внутри бушуют ярость и обида, поэтому судорожно перебираю куртки на вешалке.

– Александра Вячеславна, простите ради Бога. Господи! Да что же это такое... – причитает женщина. Вот именно, что это, мать его, такое?! – Максим, он... он... – подбирает слова.

– Он хам, – помогаю закончить мысль Полине Андреевне. Кажется, так зовут эту милую женщину.

– Он бывает груб, да. Господи, мне так стыдно, – сокрушается бедная женщина и устало качает головой.

Мне ее жаль. Искренне жаль. Не знаю, кем ей приходится этот недоумок, но она явно не в восторге от него и его поведения.

– Прошу вас, останьтесь. Данила вас так ждал, – умоляюще смотрит на меня Полина Андреевна.

Нахожу свою куртку и стою в одном надетом кроссовке.

Мне неприятна вся эта ситуация, но я немного остыла и готова рассуждать трезво. Почему, собственно, из-за какого-то козла я должна менять свои планы? Мне с ним не работать и, надеюсь, пересекаться мы больше не будем. Может, он вообще гость или сосед, который просто зашел на чай.

– Я не отказываюсь от работы с Данилой. Давайте вы будете привозить его в Центр?

– Даня сам попросил, чтобы вы приезжали к нам домой, – печально произносит Полина Андреевна. – Это для нас многое значит. Он практически четыре года никого не подпускал к себе, даже друзья не могли к нему попасть. Закрывался. А вас вот... – она замолкает, и мне отчетливо видно, как по ее лицу катится горькая слеза отчаяния.

Жалость карябает мою душу. Не могу я отказывать людям. Не могу и всё.

– Хорошо, – вздыхаю и сдаюсь. – Проводите меня к Даниле, пожалуйста.

Вешаю свою «кожаную» курточку обратно, снимаю один кроссовок и иду за Полиной Андреевной. Мы проходим через гостиную, и я краем глаза смотрю в сторону дивана, но наглеца там не вижу.

Хорошо.

Его нет.

Облегченно выдыхаю.

– Сынок, к тебе пришли! – осторожно приоткрывая дверь,

говорит мама Дани.

Ее тон смягчился, в нем появилось тепло и умиление. На лице – легкая печальная улыбка. Она горюет. И уже давно. Это заметно.

Когда она разговаривала с тем самым Максимом, кем бы он ей не приходился, от нее исходила покорность, смирение... даже страх.

Только чего она боится?

– Здравствуй, Данила, – прохожу в комнату, бесшумно ступая по полу.

А шумно и не получилось бы: весь пол застлан ковровым покрытием с мягким высоким ворсом. Это приятно.

Данила Филатов сидит в инвалидном кресле у большого панорамного окна. В комнате очень светло, легкие шифоновые шторы полностью пропускают дневной свет. Мне очень хорошо видно парня в кресле: сегодня его отросшие светлые волосы идеально уложены назад, белая футболка и серые домашние брюки подчеркивают худощавую, но спортивную фигуру. Наверное, этот парень раньше не вылезал из спортзала.

Раньше. До страшной аварии.

Данила тщательно выбрит и, в целом, выглядит свежим и бодрым. Его глаза улыбаются, я знаю. За четыре месяца работы с ним я научилась распознавать эмоции парня по глазам и жестам. Сейчас его глаза улыбаются. Мне. И я улыбаюсь ему в ответ.

Слышу, как закрывается дверь.

Даня кивает и легким взмахом руки показывает проходить. У него паралич нижних конечностей, но руки здоровы.

Я подхожу к большому письменному столу, стоящему тут же у окна, раскладываю вещи, которые нам понадобятся для занятия.

– Данила, Георгий Артурович сказал, что ты согласился позаниматься с логопедом, – смотрю на парня.

Говорю спокойно, выделяя интонационно каждое слово.

Кивает.

– Меня это очень радует, Даня, – улыбаюсь. Мне важно вызвать в нем положительные эмоции, показать, что его успехи – мои успехи.

Улыбается.

В начале наших первых занятий речь Данилы была похожа на бессмысленный и бессвязный поток звуков. Понятно, что молодой парень комплексовал и раздражался. Кому хочется выглядеть в глазах собеседника слабоумным? Поэтому он выбрал одну единственную, по его мнению, правильную тактику – молчать. Мне пришлось научиться понимать его молчание.

Спустя 4 месяца наших занятий мы научились справляться со стеснением и дискомфортом, понемногу выстраивая отдельные слова в короткие легкие фразы. Сейчас же, когда Данила согласился на занятия с дефектологом, при усердной и планомерной работе потерянные функции можно восста-

новить, пусть и не в полной мере. Поэтому моя задача как специалиста – стабилизировать его эмоциональное состояние и сформировать устойчивую мотивацию к лечению.

Каждое наше занятие начинается с артикуляционной и дыхательной гимнастики. Но так было не всегда. В самом начале реабилитации Филатов отказывался от всего, иногда импульсивно проявлял незаинтересованность, но чаще всего равнодушно отворачивался от меня к окну и уходил глубоко в свои мысли. Мне даже казалось, что Анна Ивановна была абсолютно права, когда говорила о бесполезности занятий с ним. Были дни, когда мне хотелось вскочить, схватить его за руки и трясти до тех пор, пока не вытрясла бы из него всю ту дурь, которая засела в его голове. Но я держалась. Я не должна поддаваться эмоциям, иначе какой из меня специалист?

На все мои вопросы он молчал, рассказы – молчал...

Молчал...молчал... Но слушал.

И тогда я начала читать. Просто читать вслух...

– Расскажешь, как прошел твой день? Чем занимался, о чем думал...

Кивает.

Я пошла на хитрость.

Когда я заметила, что ему нравится мое чтение, я решила его «шантажировать». Да-да! Не удивляйтесь. Я встала в позу, отказываясь читать. Товар за товар! Положила перед Филатовым цветные карандаши и лист бумаги. Рисуешь свой

день — я читаю.

Известно, что по рисункам можно сказать о человеке многое. Для нас, психологов, рисунки — это информационная кладезь, наглядно иллюстрируя динамику улучшения или ухудшения психического состояния рисующего. Цвета, штриховка, размеры фигур и объектов, их расположение, характер линий, даже сила нажима карандаша — для нас всё имеет значение.

Достаю цветные карандаши и альбом с его рисунками. Все его работы, начиная с самой первой, хранятся в этом альбоме. Ни один рисунок не потерян и не выброшен. Когда-нибудь, когда мы оба справимся, я подарю ему этот альбом в память о днях тяжелейшей работы над собой, своими страхами и веры в себя.

Я знаю, этот день настанет.

Даня начинает рисовать, а у меня есть возможность рассмотреть его комнату: она светлая. И дело вовсе не в панорамном окне. Светлая мебель, бежевые выкрашенные стены, белые тонкие шторы, мягкий ковер молочного цвета, постельное покрывало из плотного персикового шелка — я бы подумала, что это комната молодой девушки, если бы не знала ее хозяйина. Большой книжный шкаф вдоль всей стены. Но книг в нем, на удивление, мало. За стеклом выстроены в ряд грамоты и дипломы, кубки и медали. На стенах в рамках висят фотографии: на них везде улыбающийся голубоглазый парень — Данила. Вот он с ребятами на байдарках, а вон там

Даня с Полиной Андреевной и мужчиной, наверное, с отцом, на вручении диплома. Даня в горах, Даня за шахматной доской, Даня в боксерских перчатках... Но нигде на фото не видно того самого Максима. Интересно, кем он приходится Филатовым?

Я сказала интересно? Пфф, совершенно не интересно. И почему я вообще о нем вспомнила?

Перевожу взгляд на Данилу и застываю. И давно он так смотрит? Видимо, я слишком увлеклась рассматриванием комнаты, что не заметила, как аккуратно сложены карандаши, а готовый рисунок в ожидании лежит на столе.

– Давай посмотрим, что тут у нас получилось, – беру в руки альбомный лист. – О! Да здесь не что-то, а кто-то! – восклицаю я.

На рисунке изображена девушка. Нарисована так, как это может сделать простой мужчина, не художник. Тонкая, в летящем голубом платье она улыбается широко, а ее длинные оранжевые волосы развиваются в разные стороны.

Она похожа на... меня?

– Это девушка, – держусь ровно, уверенно, не выдав волнения.

Данила кивает. Смотрит так проницательно и глубоко в душу, что мне приходится опустить глаза. Я взволнована, и он это чувствует.

– Ты... кхм, – откашливаюсь, – к тебе приходила гостя? – мой голос слегка дрожит, и я не знаю, что сказать.

Похоже мне нужен психолог.

Отрицательно качает головой.

– Нет, – медленно проговариваю я. – Хорошо.

Мне трудно говорить, когда он так смотрит – выжидательно и настойчиво.

– Ты... ты думал о девушке?

Молчит. Смотрит и молчит. Так проникновенно и пылливо.

Вы знали, что молчать можно громко? Что молчание может о многом сказать?

Вот прямо, как сейчас.

Мои ладони потеют. Я нервничаю.

– Так, – бодро ударяю себя по коленям, пытаюсь разрядить гнетущее напряжение между нами. – Что почитаем сегодня? Я принесла абсолютно две разные книги...

Я натянуто улыбаюсь, стараюсь вести себя как ни в чем ни бывало, а у самой внутри всё бушует.

Он нарисовал меня... Меня...

10.Максим

Бесит.

Меня адски бесит, что эта ненормальная сейчас в моем доме. Зубы скрипят от бешенства.

– Сколько ей? Восемнадцать хоть есть? Какой из нее психолог? У нее опыта, наверное, никакого, – вопросы сыплотся из меня, как из рога изобилия.

Я ворвался в комнату матери сразу, как только она проводила эту блаженную к брату.

– Даня начал оживать, он снова начал тренироваться, согласился на занятия с дефектологом. Разве этого мало? Да мне абсолютно плевать, сколько ей лет и есть ли у нее опыт, когда у Александры получается! – возмущается мать, всплескивая руками.

Она не кричит. При мне она никогда не кричит. Сдерживается, но я вижу, как ей хочется взорваться, выплеснуть на меня всё то, что я заслуживаю.

– А может у него просто встал на нее? М? За четыре года-то, – хмыкаю.

– Это мерзко даже для тебя, Максим, – качает головой мать.

Согласен. Но если уж быть дерьмом, то до конца.

– Я серьезно. Она девчонка совсем. Да ей самой, в конце концов, лечиться надо, – бешусь.

Меня до сих пор потряхивает от ее «маньяк» и «мужлан».

– Ей 26 лет. Она даже старше тебя, – мать прищуривается и заинтересованно всматривается в мое лицо. – Но я не могу понять, с чего такая реакция? Не тебе ли все равно, что происходит с твоим братом?

Всё верно. Мне пофиг. Только вот эта мелкая дрянная девчонка успела несколько раз меня выбесить и, черт возьми, мне это понравилось. Я давно не получал живых эмоций. Ссоры с отцом уже не вставляют.

Двадцать шесть лет. Ей 26 лет. Никогда бы не подумал. А кажется такой юной: светлая тонкая кожа, еще нетронутая летним жарким солнцем. Оно любит ее, это видно по нескольким веснушкам на лице, которые успели выскочить вместе с первым весенним теплом. Уверен, к началу лета у нее их будет много. Её волнистые волосы цвета зрелой пшеницы с медным отливом, зеленые огромные глаза и тонкие бледные губы, острые плечи с выпирающими ключицами, худое тело, лишенное ежедневных фитнес-тренировок, не делают из нее неотразимую обольстительницу или писаную красавицу. Но она, безусловно, привлекает внимание, выделяется ярко-огненным цветом среди толпы, умиляя своей необузданной простотой и природной женственностью.

Это я сейчас так подумал? Черт. Надо заканчивать бухать.

– Максим, тебе стоит извиниться перед Александрой, – не дождавшись от меня ответа, продолжает наступление мать.

– Уже бегу, – фыркаю.

– Ты выставил себя не лучшим образом.

Начинаю открыто ржать! Но мой смех пропитан горечью, детской обидой и злостью.

– Серьезно, ма? А когда я был в своем лучшем образе? Ну-ка, напхни! – уже невесело говорю я и, яростно хлопнув дверью, срываюсь наверх. К себе.

Когда я подхожу к своей комнате, открывается дверь соседней и из нее выходит девчонка. Наши с братом спальни находятся напротив друг друга. Меня это всегда раздражало. И его, должно быть, тоже.

– До встречи, Данила! – мягко улыбается эта блаженная.

Она не видит меня, но я вижу, как в дверях в инвалидном кресле ее провожает мой брат. На его лице цветёт дебильная улыбочка озабоченного подростка.

– Здорова, брат! – деланно весело оповещаю свое присутствие.

– Боже! – пугается девчонка, приложив ладошку к груди.

– Всего лишь я, детка. Но мне приятно! – подмигиваю, играя бровями.

– Вот дьявол, – бесится эта рыжая бестия и направляется к лестнице.

– Ты уж определись: Бог или Дьявол! – кричу, сооружая из ладоней рупор.

– Чертов клоун, – еле слышно бормочет она, спускаясь вниз.

– Ведьма! – смеюсь.

Брат испепеляет меня взглядом. Если можно было бы убить, давно сгорел бы заживо. Но всё, что он сейчас может – это захлопнуть дверь перед моим носом.

11. Саша

Брат?

Он сказал брат? Данила и этот полоумный – братья?

Вот ни за что бы не поверила. Как могло у одной женщины родиться два совершенно разных сына?

Они же как тьма и свет. Даня – светловолосый парень, всегда аккуратный, опрятный. От него исходит добро, тепло и уют. Рядом с ним спокойно и комфортно. А этот мерзавец как черт из табакерки: темные, практически смоляные волосы вечно находятся в беспорядке, темно-карие глаза дьявольски жгучие, обжигающие, полные губы, черные пушистые ресницы и эти бесовские ямочки на щеках, появляющиеся тогда, когда этот гаденыш ухмыляется своей наглой физиономией. Его внешний вид ему соответствует: отросшая темная щетина, небрежно накинутая впопыхах одежда, слегка помятая, создает хулиганский образ. Он ведет себя настолько нагло и самоуверенно, словно ему плевать, кто и что о нем думает и как он сейчас выглядит. Женский пол таких любит: опасных, дерзких, свободных. А у меня, наверное, пожизненный иммунитет на таких. Спасибо моему бывшему...

Хотя нет, все-таки некоторые эмоции он определённо вызывает: меня он дико бесит! Бесит!!!

Выбегаю на улицу, когда на телефон приходит уведомле-

ние, что мое такси ожидает. Иду по высланной брусчаткой тропинке и зачем-то оборачиваюсь. На втором этаже у панорамного окна все также сидит в кресле Данила и смотрит на меня. Улыбаюсь ему напоследок и выхожу за ворота.

Всю дорогу до детского садика мысли скачут от рисунка Дани, где, уверенна, точно изображена я, до наглого мужлана с дьявольскими ямочками.

Непроизвольно улыбаюсь и зажимаю губы ладошкой.

Господи, я назвала его мужланом при его матери! А еще маньяком, хамом и клоуном. Н-дааа, Жукова, ты определенно умеешь произвести впечатление! Закрываю лицо руками и начинаются смеяться.

Уже три недели мы занимаемся с Данилой у него дома. Сегодня среда и наше крайнее занятие перед майскими праздниками. Как я их жду! Мы с Никиткой третий год подряд уезжаем на майские к бабушке с дедушкой в область. Мечтательно предвкушаю теплые деньки, рыбалку с отцом, огород, шашлыки, катания на великах с сыном и мамины пирожки с капустой, ммм!

Настроение отличное и даже морозящий дождик мне несколько не портит его.

В комнате Дани играет музыка Моцарта. Я всегда её использую, когда провожу занятия на развитие когнитивных функций. Сейчас Филатов разгадывает специальные загадки, подготовленные мной, на улучшение мышления и памяти.

ти, а я опять рассматриваю его комнату.

Мое внимание привлекает фотография, где Даня с друзьями на байдарках. Молодые ребята заразительно улыбаются, и я тоже не могу сдержать улыбку.

– Данила, – осторожно окликаю парня. Он очень сосредоточен, потому что на решение задач я выделила определенное время.

Даня поднимает голову и смотрит на меня вопросительно. Вижу, насколько он удивлен, ведь ранее я никогда не отвлекала его от выполнения заданий.

– Данила, я хотела спросить, ты мне позволишь?

Утвердительно кивает.

– Твои друзья... они навещают тебя? – смотрю на фото и замолкаю. Это личная территория Дани и мне пока не ясно, имею ли я право на нее ступить.

Филатов прослеживает за моим взглядом и тоже смотрит на фотографию. Замечаю, как меняются его эмоции: брови хмурятся, кулаки сжимаются, а дыхание учащается. Он нервничает.

– Нет? Они перестали с тобой общаться после аварии? – очень аккуратно пробую почву дозволенности.

Легкое движение головой, еле заметное, но я улавливаю.

– Ни-ее, – протягивает Даня. Ему очень сложно дается речь.

– Нет, – помогаю. – *ТЫ* перестал общаться с ними? – выделяю местоимение намеренно и внимательно наблюдаю за

реакцией.

Молчание.

Значит, я на верном пути. Но пока эта тема для нас закрыта.

Делаю мысленно себе заметку, что обязательно вернусь к разговору, а пока позволяю Даниле доделать его задания.

Пока парень увлеченно старается, я прокручиваю в голове вопросы: почему он закрывается от общения? Зачем отвергает друзей и обрекает себя на одиночество?

Возможно, мне стоит поговорить об этом с его матерью.

Мои размышления прерывает мощный гром такой силы, что я вздрагиваю. Смотрю в окно, где разворачивается настоящее стихийное бедствие: графитовое небо низко опустилось на землю, мощные порывы ветра закручивают пыль и мелкие ветки, а моросящий дождь перерос в сильнейший грозовой ливень.

Мы с Даней смотрим друг на друга, а потом неожиданно парень выдвигает ящик стола, вынимая аккуратно сложенный вдвое лист бумаги. Долго разглядывает его, словно решая, что дальше с ним делать, но в итоге протягивает мне.

Я читаю:

Александра. Всё в имени твоём прекрасно:

Оно как роза: красиво, но опасно.

Красиво нежностью своей, душой чистойшей.

Оно звучит, как музыка, как песня...

Наши взгляды пересекаются. В его глазах – уверенность и спокойствие, в моих – смятение и паника.

– Даня... это... это красиво. Спасибо, – мнусь как фольга.

Филатов пристально смотрит и, наверное, ожидает от меня какого-то ответного действия или слова. Что нужно делать в такой ситуации? И как мне ее воспринимать? Это просто знак уважения или комплимент? А если комплимент, то кому: девушке или специалисту-психологу?

Ох, Жукова...

Полчаса пытаюсь вызвать такси, но никто не хочет ехать в такую погоду. Уже ни на шутку нервничаю, потому что в саду Никитка остался один: звонила воспитательница и слезно просила скорее его забрать.

Я задержалась с Полиной Андреевной, расспрашивая ее о друзьях Дани. Она мне рассказала, что первое время после ужасной катастрофы ребята из его компании навещали Данилу, поддерживали его. А потом Филатов впал в долгую депрессию и не хотел никого видеть. Он игнорировал звонки, отвергал встречи и прекратил всякое общение с друзьями. Отгородился от людей, замкнулся в себе и отказался от дальнейшей реабилитации. И тут у меня назрел вопрос: почему? Ведь должна быть весомая причина?

– Машина не найдена, – шепчу я в который раз. Что же делать?

– Опять отказ? – Полина Андреевна сочувственно загля-

дывает в мой телефон. – И я, как назло, отпустила водителя, – огорчается. – Что же делать? Так... Я сейчас позвоню мужу, – воодушевлённо хватает свой телефон.

– Что вы, не нужно...

Я не успеваю договорить, как Филатова убегает в глубь гостиной и начинает звонить супругу.

Стою одетая в дверях и обзваниваю все службы такси.

Мне жарко и душно.

Бесполезно.

Черт, черт, черт!

Резкий толчок в спину, и я лечу вперед. Падаю на колени, успеваю задержаться раскрытыми ладонями.

Потрясающе. Хуже быть не может. Сегодня случайно не понедельник?

– Твою мать! Ты другого места не могла найти? Че трешь-ся у двери? – слышу над собой знакомый ненавистный голос.

Максим. Какая нелегкая его принесла в такую непогоду? Три недели мы не пересекались, чему я была несказанно рада. Я даже начала забывать про существование этого человека, ведь каждая наша случайная встреча заканчивалась взаимными оскорблениями.

– Я, конечно, понимаю, что наши полы выглядят дорого и богато, а для *простого психолога*, – выделяет именно эти слова, – так вообще... Но, позволь спросить, ты долго еще будешь здесь отдыхать?

Господи, как стыдно! Надо что-то сказать! Жукова, себе-

рись и ответить этому засранцу.

Поднимаюсь и одновременно из сумочки, которая перевернулась во время моего фееричного падения, вываливается все её содержимое.

Что я там говорила на счет хуже быть не может? Забудьте! Может. Это эпик фейл!

– Браво! – хлопает в ладоши мерзавец, пока я ползаю у него в ногах, собирая свои пожитки. – Слу-ууу-шай, – мерзко протягивает и потирает задумчиво подбородок, – это не ты получила в прошлом году титул «Неудачница года»? Очень на тебя была похожа...

– Знаешь что? – не даю ему договорить. – А не пойти бы тебе...

– Максим, какая удача, что ты пришел! – Полина Андреевна входит в холл и спасает своего сына от направления последнего в место, где всегда темно и сыро.

– Правда? – наигранно удивляется паршивец. – Помню, последний раз радовался моему приходу Батюшка в церкви, когда я под кайфом заставил его продать святой воды за пятизначную сумму! Пить хотелось страшно! – ржет этот недоумок.

Ну ни идиот?

12.Максим

Они обе смотрят на меня как на идиота.

– Максим, – обращается ко мне мать. – Александра не может от нас уехать.

– Досадно, – стряхиваю капли дождя с косухи. – Помочь вызвать такси?

– Господи, Максим, а мы что, по-твоему, делаем? Уже 40 минут вызываем, – сокрушается мать. – Отвези Александру домой, пожалуйста, – вкрадчиво просит родительница.

– Что? Ты видела погоду? – деланно удивляюсь я, показывая пальцем за дверь.

– Именно поэтому такси не принимает заказ, – растолковывает как слабоумному ма и всплескивает руками.

– Нет, нет, не нужно, Полина Андреевна. Спасибо, я сама как-нибудь, – обходит стороной бестия, направляясь к двери.

– Ты слышала, – смотрю на мать. – Она сама, – пожимаю плечами и двигаюсь в сторону столовой.

– Александра, ну что вы, подождите! Такая погода... – пытается остановить ее Полина Андреевна. – Максим!

Оборачиваюсь и вижу около обувной тумбы валяющийся сложенный вдвое белый листок. Поднимаю, но не успеваю его развернуть, как эта чокнутая с бешенством вырывает его у меня.

– Дайте сюда. Это мое, – рычит ненормальная и сует бумажку в карман своего пальто.

– Да пожалуйста, – усмехаюсь. Нервная какая.

– Максим, будь мужчиной, отвези девушку домой. Имей уважение и совесть.

Я уже хочу было сострить про то, как совесть давно поимела меня, но по выражению лица матери понимаю, что сейчас это неуместно.

– Хорошо, – равнодушно сую руки в карманы джинсов.

– Я никуда с вами не поеду, – она еще и выделяется. Гадина.

– Вот видишь, – наставляю пальцем на эту блаженную. – Я пытался быть чертовым джентльменом.

– Ладно. Я согласна, – вдруг обреченно сдается рыжая и ее плечи падают.

Серьезно? С чего вдруг такие перемены?

– Ну окей. Кстати, у меня нет прав, отобрали полгода назад. А еще я пил алкоголь, – делаю паузу. – Вчера, – пауза. – Но много. Едем?

Ржу про себя.

– Максим! – охает мать. – Не пугай девушку, – это мне. – Он шутит, – а это ей.

Девчонка устало качает головой и смотрит так, словно я – душевнобольной и она мне сочувствует.

– Сразу предупреждаю, если бы ни дождь, я бы в жизни

не села с вами в одну машину, – пристегиваясь, декламирует блаженная.

– Мне тоже, знаешь ли, твоя компания не по душе.

– Вот и прекрасно.

Сидит, спину выпрямила, смотрит исключительно вперед, руки прилежно на коленях сложила – отличница, блть.

Мой Камар низкий, поэтому стараюсь ехать аккуратно, объезжая большие лужи. Дождь хлыщет по лобовому стеклу и мне ни черта не видно. Дворники не успевают стирать плотные потоки водопада.

В салоне гнетущая тишина. Девчонка, не поворачиваясь, прожигает боковое окно, перебирая в руках ручку от сумки. Нервничает?

– Ты очень громко думаешь, – прерываю наше затянувшееся молчание. – Говори уже.

– Что? Вы о чем? – оборачивается ко мне и делает удивленное лицо.

Да, уважаемая, актриса из тебя никудышная. Да и психолог, мне кажется, тоже.

– Ну я же вижу, что ты хочешь что-то сказать.

– Интересно, – приподнимает брови и разворачивается всем корпусом ко мне. – Из каких соображений вы сделали такой вывод? Мне, как психологу, будет полезна данная информация.

– Нуу... во-первых, перестань мне «выкать». Кстати, тем более ТЫ меня старше, – насмешливо подмигиваю.

Девчонка оскорблённо хмыкает и отворачивается к окну, но спустя секунду резко поворачивается обратно.

– Что? Откуда вы...

– Во-вторых, – не обращаю на нее внимания и продолжаю, – ты так рьяно мучаешь ручки сумки, что я даже переживаю за них, – она опускает глаза на свою авоську и тут же разжимает ладони. – В-третьих, ты прикусываешь нижнюю губу, – касается пальцами губ и моментально одергивает руки. – Отсюда вывод: ты нервничаешь и хочешь меня о чем-то спросить, но твоя гордость не позволяет первой заговорить со мной. Я прав? – снисходительно улыбаясь, смотрю на нее.

Она долго молчит. Кусает губы и часто взволнованно дышит.

– Из нас двоих психологом работаю я, – приподняв свой упрямый подбородок, деловито нарушает молчание.

– Да, – согласно киваю. – Но у кого-то из нас двоих получается это делать лучше, – подмигиваю и нагло улыбаюсь.

– Лучше следите за дорогой, – фыркает злючка и отворачивается, пытая так, что запотевает боковое стекло.

Я чувствую, прямо кожей ощущаю, как моя пассажирка бесится. Уверен, она бы с радостью набросилась на меня и выцарапала бы мне глаза, но ей приходится молчать и терпеть, потому что сейчас она на моей территории.

Выезжаю из нашего микрорайона на центральную улицу города.

– Ты не хочешь сказать куда ехать? – снова прерываю на-

ше молчание. – Я пока еще не научился читать твои мысли.
– Господи, точно! Ленина, 53, – спохватывается ведьма, подпрыгнув на месте.

Мы подъезжаем к указанному адресу, и я отчетливо понимаю, что это детский сад.

Вот черт.

Ненароком вспоминаю первую нашу встречу и того, из-за кого всё пошло не так.

Пацан.

С ней тогда был голубоглазый пацан.

– Вот здесь остановите, пожалуйста, – девчонка указывает на калитку в заборе, по-прежнему «выкая».

Отстегивает ремень, бросает мне скупое «спасибо» и выскакивает из машины под проливной дождь. Я смотрю на то место, где только что сидела рыжая, пытаюсь осознать, точно ли она была здесь или мне все это привиделось, но уверенно замечаю на пассажирском сиденье свернутый листок бумаги, который она выхватила у меня дома и запихнула в карман пальто. Наверное, пока суетливо удирала, он выпал. Собираюсь окрикнуть рыжую, но та уже скрылась за калиткой.

Со своей совестью я давно заключил контракт: она спит, а я ей не мешаю. Поэтому не сомневаясь, открываю бумажный лист и начинаю водить по нему глазами.

Это напечатанное четверостишие. Но даже так я узнаю чертов слог своего брата. Он что, блть, ей стихи пишет? Вот

такой херней брат занимался, когда встречался с Кристинкой. Долбаный романтик...

Ожесточенно комкаю лист и крепко сжимаю его в кулаке. Передёргиваю желваками на лице. Не знаю, что меня так раздражает больше: то, что мой брат подкатывает свои синие яйца к психологичке или то, что она сумела так быстро его взять в оборот. А почему, собственно, нет? Увидела, как мы живем, поулыбалась, втерлась в доверие, а моему братцу-инвалиду сейчас любые сиськи покажи, он тут же и женится.

А она не такая уж и дура.

Пока я тону в своих размышлениях, краем глаза замечаю, как две лилипутские скрюченные фигурки выбегают на дорогу: рыжая и пацан. Она, промокшая насквозь, и он, в тонкой худой куртке, шапке и целлофановым пакетом поверх нее и с открытым то ли от радости, то ли от удивления ртом.

По идеи мне нужно валить. Я – не чертов принц и не тем более герой. Но глядя на голубоглазого с пакетом на башке, я машу им рукой и открываю приветственно дверь.

Не задумываясь, оба запрыгивают в тачку.

– Здорова, Шумахер! – поворачиваюсь к пацану, который вместе с мамашей сидит на заднем кресле. У него по-прежнему открыт рот, а глаза широко распахнуты. Я помню, как голубоглазый прошлый раз задвинул мне про машину. Поэтому это прозвище как ничто другое подходит ему.

– Здравствуйте, – ошалело произносит парнишка.

– Ну вот видишь, хотел просто посидеть за рулем, а сейчас

даже прокатишься!

– Маам, правда? – пацан недоверчиво смотрит на мать, словно спрашивая у той разрешения, – дядя нас покатает?

– Ну если дяде будет не сложно, то скорее всего да, – встречаемся взглядами в зеркале заднего вида с рыжей заразой.

– Э, пацан, давай без этих – дяди, тети?! Я Макс, – поворачиваюсь к нему и протягиваю руку. Пацан радостно пожимает ее, чуть ли дуя в штаны.

– Я Ник! – в тон мне отвечает голубоглазый.

Ухмыляюсь. Прикольный малый. Определенно пацан мне нравится больше, чем его чокнутая мамаша.

13. Саша

Обескураженно смотрю на яркий спорткар, всё еще стоящий на подъездной дорожке к детскому саду. Собираю с лица студёные капли дождя и смагиваю их с ресничек. Мне же не кажется?

Конечно, Никита замечает его сразу. Вызывающе-желтое авто даже в такой темный дождливый вечер привлекает внимание, а когда водитель приглашающе машет нам рукой, я неверующе щепая себя за кожу запястья. Крайне неожиданное проявление заботы от такого бесчувственного болвана как Максим.

Но я не гордая и ради ребенка готова, стиснув зубы и собрав волю в кулак, потерпеть его общество. Мы живем недалеко от детского сада, но в такую погоду без зонта, дождевика и резиновых сапожек сын промокнет насквозь.

Никитка долгое время не может поверить в такое внезапно привалившее счастье: он не избалован ездой в машинах, а тем более на такой крутой. Смотрит широкими глазами то на меня, то на водителя и, кажется, не дышит, чтобы не спугнуть момент. Мой маленький наивный сыночек! Такой искренний в своих эмоциях. Дети не умеют скрывать чувства и от того они безусловны, чисты и невинны.

Мы сидим позади водителя: Никитка сразу за Максимом, а я правее. Когда мы ехали по дороге в садик, сидя на со-

седнем пассажирском сидении, у меня не было возможности рассмотреть водителя, это было бы слишком очевидно. Но сейчас, когда напыщенный индюк и мой Никитка без труда находят общий язык и мне начинает казаться, что в нашем случайном коллективе лишняя именно я, у меня появляется такая возможность.

Скольжу по парню глазами: он сидит расслаблено, управляя машиной одной правой рукой, а левую облокотив на дверной подлокотник. Его колени высоко задраны и широко разведены. Ну еще бы, машина довольно низкая, а рост у наглеца приличный. Я еще в первую нашу встречу у него дома заметила, какой Максим высокий. У него широкие плечи и крепкая грудная клетка. Но он не перекаченный альфа, зависающий в тренажёрном зале. Это натренированное спортом телосложение, возможно, даже профессиональным спортом. Интересно, чем он занимается? Гандбол, водное поло, хоккей? Естественно, я не спрошу.

Смоляные, как уголь, волосы от высокой влажности завились и несколько прядей упали на лоб. Он снова не брит. Но легкая щетина совсем не портит его, даже наоборот, придает брутальности и мужественности. Даня всегда идеально выбрит. Разительно, насколько два брата друг на друга не похожи.

На парне надеты темные джинсовые брюки и черная кожаная куртка, из-под которой выглядывает белая рубашка. На правой руке стильно поблескивают часы и, вероятно, они

не из вагончика с дешевой бижутерией. А еще у него много кожаных браслетов на запястье, что очень не вяжется с его образом отвязного пофигиста. Да вы – чертов модник, Мистер Наглец!

– Да. Здорова, – мои разглядывания прерывает телефонный звонок. – Нормально, старик, не дожدهшься, – хрипло гогочет недоумок. Теперь в правой руке у этого индюка телефон, а левая по-прежнему лежит на подлокотнике, и мне страшно подумать, чем он рулит. Господи, хоть бы добраться домой живыми! – Во сколько и где? – продолжает как ни в чем ни бывало разговор. – Где, блть? Да ты охре...

– Максим! – визжу я не своим писклявым голосом, жестко вцепляясь в обивку спинки кресла.

Сама не ожидаю, что получается настолько громко и истошно, потому что в одно мгновение нас кидает на встречную полосу, а затем я слышу скрежет тормозов, чувствую резкое смещение вправо и полную остановку. Сажу с закрытыми глазами, вцепившись в Никитку и прикрывая собой. Боюсь пошевелиться и дышать. В салоне машины стоит гробовая напряженная тишина, за исключением чьего-то шумного дыхания, которое оглушает.

Максим поворачивается. Медленно. Я это чувствую вибрирующей кожей. Он смотрит. Боязливо открываю сначала один глаз, потом второй. Ох, черт! Лучше бы я этого не делала и не видела перекошенного от злости лица Филатова.

Мм-мамочки. Можно открыть форточку и сигануть в нее,

обещаю, я буду осторожна?!

– Ты совсем ненормальная? – орет дьявол. – Угробить нас всех решила? Чокнутая баба какая-то, – эй, а вот это уже обидно.

– Я ненормальная? Да ты на себя посмотри, псих недоделанный, – закипаю. – Ты, видимо, забыл, что не один в машине находишься. А здесь, между прочим, ребенок, – а вот не нужно на меня орать, я ведь тоже умею, – и в моей семье не принято ругаться при детях, ясно?

– Да мне насрать, что принято в твоей семье. Я спрашиваю, зачем нужно было так вопить, словно тебя расчлениют? – гневно выплёвывает Максим.

– Потому что ты, – яростно наставляю на него указательный палец, – вместо того, чтобы следить за дорогой, трепался по телефону, не забывая при этом материться.

– Какой же я дурак, что...

– Вот с этим полностью соглашусь, – перебиваю его и воинственно складываю руки на груди.

– Что согласился на вот это вот всё, – обводит салон рукой. – С тобой одни проблемы.

– То есть это я проблемная? – ничего себе заявление.

– А разве нет?

– Да ты... да вы... просто осел.

– Мам...

– А ты раздражающий геморрой в заднице.

– Что? – оскорбительно вспыхиваю. – Геморрой?

– Маам, Маакс...

– Здесь ребенок, перестаньте... ой... Никита? – очумело перевожу внимание на сына. Господи, я совершенно забыла про собственного ребенка, пререкаясь с этим психом, а он все это время слушал наш треп?

Одновременно замолкаем с грубияном и виновато смотрим на Никитку. Но сынок удивительно спокойно сидит и поочерёдно осматривает то меня, то мерзавца.

– Прости, пацан, – ох, да неужели мы знаем такие слова.

– Да все нормально, – Ник одобряюще пожимает маленькими плечиками. Он единственный из нашей троицы выглядит адекватным и сдержанным. – Но... – почесывает затылок, – я не совсем понял, что такое «геморрой в заднице», – задумчиво произносит Никитка, как бы перебирая в голове подходящее определение выражению.

Занавес.

14.Максим

Я хотел высадить её прямо там, на обочине дороги. И если бы не пацан, я бы, без сомнения, так и сделал. Это же какой надо быть идиоткой, чтобы орать на ухо человеку за рулем? Ладно, я согласен, был не прав. Когда позвонил Андрюха, я просто реально забыл, что сзади кто-то сидит. Да потому что, черт возьми, я никогда никого не возил в своем Камаре.

Захожу в комнату, нервно бросаю часы и браслеты на комод. Андрюха пригласил попариться в сауну, но все желание и настроение улетучились как наштапырь. Спасибо одной прицепившейся заразе.

Андрюха Юдин – мой единственный настоящий друг со времен спорта. Его спортивная карьера закончилась, не начавшись, но друг стал неплохим тренером. Я тоже когда-то мечтал быть тренером. Ключевые слова – «мечтал» и «когда-то».

Снимаю брюки, кидаю на спинку стула и вижу, как на пол из кармана выпадает тот самый листок со стихом моего брата. И почему я не вернул его девчонке, а сунул себе в карман?

Разворачиваю лист и снова читаю. Гребанный Ромео.

Сжимаю яростно лист в ладони и бросаю в комод. Собираюсь принять душ, чтобы ледяные струи остудили пылающий в груди жар. Меня переполняют злость и ненависть к

ведьме, к брату и ко всему чертову миру.

Бам, бам, бам...

Бам, бам...

– Просыпайся, никчемное существо!

Бам, бам... Снова эти удары. Ммм... башка трещит, как полено в печи.

– Если ты и сегодня опоздаешь на совещание, я тебя уволю!

Кто-то сказал «уволю»? Да я готов вообще не прийти, только увольте меня! Отец еще пару раз лупит по двери и быстро ретируется.

Я опять надрался. С четверга отмечали на загородной базе Мир, Труд, Май. Смотрю на себя в зеркало: вроде все прилично, сегодня «аллергической сыпи» не наблюдается. Маринка-Наташка-Светка-как-же-ее-там отлично постаралась. Забрасываю уже заранее подготовленное обезболивающее в рот, запиваю водой из-под крана, но таблетки так и не успевают добраться до желудка, как меня выворачивает прямо над раковиной. Доброе утро, блин.

Спускаюсь в столовую, готовый принимать удар, но к моему удивлению, а скорее разочарованию, отца не наблюдается. Зато в кухне за столом в инвалидной коляске сидит мой брат. Это странно – видеть его здесь. После аварии брат перестал принимать пищу здесь, оставаясь в своей комнате.

На кухне суетится Любаша, бросая на брата насторожен-

ные взгляды. Для нее появление Данилы тоже неожиданно.

– Доброе утро! – здороваюсь как бы со всеми.

Любаша улыбается мне своей самой лучезарной улыбкой, а брат равнодушно кивает. Он свеж, опрятен и стал выглядеть более живым что ли. Мать была права. Он заметно поправился. И даже то, что брат сегодня завтракает в столовой, намекает о положительных изменениях в его состоянии. Неужели такие метаморфозы связаны с рыжей занозой?

Что-то жгуче-неприятно прокалывает в области солнечного сплетения, но я стараюсь не заикливаться на еле уловимом ощущении.

В кухне приятно пахнет свежее испеченной запеканкой. Обожаю ее с детства, Любаша знает, как порадовать меня.

– Ммм, – блаженно прикрываю глаза и тяну аромат носом, – этот запах. Любаша, ты золото, а не женщина! Выходи за меня? – подхожу к ней и чмокаю в теплую, морщинистую щеку нашей кухарки. Она хохочет и машет на меня рукой, заметно смущаясь.

От меня не укрывается, как брат брезгливо морщится. Его всегда раздражала моя фамильярность с Любашей. А меня раздражало его лицемерие. Он мог часами лазить со своими дружками-по-идиотизму-волонтерами по трущобам, помогая бомжам с ночлежкой и едой, потом распинаться перед камерами, как все мы равны независимо от социального статуса, а дома воротить нос со словами «это же прислуга».

– А где Иван Сергеевич? – спрашиваю Любашу и окунаю

аппетитный кусок запеканки в джем.

– Уже ушел.

– Орал?

Любаня опасливо смотрит на брата и поджимает губы. Были бы мы одни, она бы всё подробно рассказала без прикрас.

– Он был зол, – тактично проговаривает Люба и бросает на брата робкие взгляды.

– Это его обычное состояние, – усмехаюсь. – Я даже не помню, когда отец был весел последний раз и как он улыбается. Ты помнишь? – обращаюсь к брату и прифигеваю.

Не понимаю, как это вышло. Брат тоже, видимо, не сразу осознает, что вопрос предназначен ему, потому как мешкает, бегая по столовой обескураженными глазами.

Данила ничего не отвечает, хотя понятно, что в его состоянии он и не смог бы, но даже ни одной сраной реакции, ни одной мимолетной эмоции не проскочило в его взгляде. Ничего не изменилось. Мы по-прежнему чужие друг другу люди.

15. Максим

Я, конечно же, опоздал. В принципе, я и не старался успеть. Почему бы лишний раз не побесить Ивана Сергеевича?!

Они все: замы, зам замов, начальники отделов и другие «несчастливые» уже сидят в зале совещаний, смиренно сложив руки на столах. Когда я вхожу, все мгновенно стихают и впиваются в меня настороженными взглядами.

Напряженная тишина витает в просторном помещении, которую разрывает один единственный звук – скрип зубов моего отца.

Он зол. Нет, он в диком бешенстве.

Приветствую собравшихся по получению пиздюлей от ба-ти, отвесив низкий благородный поклон, и медленной походкой направляюсь к свободному месту. К скрипящим зубам добавляется лихорадочный стук его сердца. Бешенство перерастает в агонию. Но отец, надо отдать ему должное, держится изо всех сил. Мне приходится даже его зауважать.

С мерзким скрежетом отодвигаю стул и лениво сажусь, обводя глазами лица присутствующих неудачников, в которых читаются мольба, вселенский страх, лютая ненависть, крошечная ярость и разъедающая зависть. Эгоистичные ублюдки, думающие только о себе. Им стремно, они меня сейчас ненавидят всеми фибрами своих малодушных пече-

нок, ведь, если я разозлю отца, непременно отрекошетит по ним.

– Ниночка, милая, а принеси-ка мне чашечку кофе, будь добра! – нагло поворачиваюсь в сторону двери, где в проеме висит ошарашенная секретарша отца с выпученными глазами. – Можете продолжать, коллеги! – взмахиваю рукой.

Клянусь, я вижу, как крошатся зубы Ивана Сергеевича.

– Пошел вон! – рявкает отец, ударяя ладонью по столу.

Эх, все-таки я поспешил с выводами. Нервишки сдают у старика.

– С удовольствием, Иван Сергеевич, – неторопливо встаю и направляюсь ленивой походкой к двери, но у самого выхода оборачиваюсь.

Пробегаюсь по изумленным лицам.

– Коллеги, адьес! – салютую ладонью прощальный жест и скрываюсь в проеме.

У секретарской тумбы торможу.

– Дорогая Ниночка, не нужно кофе, принесите мне стакан и коньяк. В мой кабинет, – скабречно подмигиваю.

– Но... – неуверенно запинается девушка.

– Н-И-Н-А... – чеканю. – В мой кабинет. Сейчас же, – смотрю на нее взглядом, не терпящим возражения.

Ниночка опускает виновато голову и послушно торопится к бару. Умница, девочка.

Я знал, что он придет. Но не думал, что так скоро.

Отец врывается в мой кабинет с целью убивать. Меня.

Но я подготовлен и жду, сидя за столом и забросив ноги на рабочую поверхность. Потягиваю медленно коньяк, смакуя элитным ароматом.

– Я, надеюсь, уволен? – выгибаю насмешливо бровь.

Отец пыхтит, раздувая ноздри, как парашюты. Мне нравится видеть его таким.

– О нет, я не окажу тебе такую услугу, – не спрашивая, батя отодвигает стул напротив и присаживается. – Это будет слишком благодушно для тебя, паршивец.

Хмыкаю и опрокидываю в себя остатки коньяка в бокале. Голова ощутимо вращается, а желудок сводит больными спазмами.

Какова вероятность, что в двадцать пять я не сдохну от цирроза печени или какой-нибудь язвы?

– Ненавидишь меня? – стараюсь словить четкий фокус.

Но перед глазами плывет. Затягивается белесой пеленой. Я пьянею.

Отец красноречиво молчит, давая ментально ответ на мой вопрос.

– Хорошо, – одобрительно киваю. – Ведь это взаимно, – тянусь за бутылкой, но отец успевает перехватить тару.

Презренно одаривает меня взглядом-убийцей и встает, забирая коньяк с собой. Двигается в сторону двери, но на полпути оборачивается:

– Знаешь, я часто думаю, что лучше бы та авария... – осе-

кается. – Его жизнь забрал несчастный случай, а ты свою разрушаешь сам.

Сейчас в глазах отца нет былой злости и ярости. В них щемящее сожаление и чувство адской несправедливости. Горечь того, что лучше бы та авария, произошла со мной, а не с братом... Так было всегда. Я всегда был лишним, ненужным, неудобным...

В семье из нескольких детей всегда есть покладистый, беспроблемный ребенок и трудный. Так вот мне досталась роль второго. Самое печальное, что я её не выбирал, мне навязали эту роль. Мне изначально не дали выбора, его сделали за меня, а мне пришлось лишь соответствовать. Когда все вокруг ожидали от неговорчивого Максима проблем, я их устраивал. С плясками, шумными овациями и фейерверками.

Я всегда был вторым, где-то там сбоку, в тени старшего брата. И как бы я не старался и не рвал заднее место, я никогда не дотягивал, не соответствовал, не угождал.

«А вот Даня..., а наш Даня..., а Данечка победил в конкурсе чтецов..., Даня пишет такие изумительные стихи, а нашему Дане присвоили кандидата в мастера по шахматам», – слышал я в детстве.

А то, что годом раньше я стал мастером спорта по плаванию, а через два – мастером международного класса, никого совершенно не волновало. Зато, когда Даня вступил в волонтерское движение и насобирал кучу дерьма из пластика,

отец подарил ему настоящий телескоп такой, какой хотел я.

Я о нем мечтал всё свое детство, а старший брат просто нагло спер мою мечту, подслушав наш с Любашей разговор на кухне. Брат убедительно кивал и посылал мне сладко-приторную улыбку, когда обещал родителям со мной делиться. Но коробка так и простояла закрытой в комнате братца, а я кусал губы и заламывал беспомощно кисти.

В тот самый день, когда отец вручил Даниле телескоп, я стал искренне ненавидеть родного брата. Тайно. Но сейчас мне стало казаться, что об этом догадывалась Люба. Наверное, именно поэтому у нее такое трепетное отношение ко мне. Она всегда жалела меня, считала недолюбленным ребенком.

Не знаю, любила ли меня мать или нет, но брошенным я не был. Материнское внимание периодически перепадало и мне. Но скорее у нее передо мной срабатывала материнская ответственность, нежели родственная забота. Ведь ребенка не выбросишь как ненужную вещь. А Данилу она боготворила. В рот при каждом слове заглядывала, перед гостями хвалилась и заслуги напоказставляла.

Что касается отца, так родитель меня попросту не замечал. Для него я вроде как был. А старшего брата таскал везде с собой. Лет с двенадцати Данила начал присутствовать на совещаниях, отец брал его на работу, в командировки, а позже и на деловые встречи. Он готовил его. Готовил вместо себя. Хотел сделать из него наследного принца. Приемника.

Именно Даня должен был продолжать отцовское дело. Но я до сих пор не уверен, нравилось ли брату искренне такое положение дел или он талантливо играл свою роль: лучшего, правильного, благодарного сына.

Я ненавидел брата. А он ненавидел меня. У нас с ним никогда не было близких отношений. Но мы не воевали друг с другом открыто, мы ненавидели друг друга молча.

Когда я был мелким, я пытался понять почему? Почему родители не радуются моим успехам, почему их внимание обращено только на Даню? Что я делаю не так? Почему меня не замечают? А потом, став старше, я неожиданно обрадовался. Когда до тебя никому нет дела, от тебя ничего не требуют, не ожидают, ты просто занимаешься тем, чем хочешь, дружишь с кем хочешь, поступаешь так, как знаешь. Вот тогда плавание стало смыслом моей жизни и моей мечтой.

Да, я мечтал... Тогда еще мечтал.

Все свое свободное время я посвящал тренировкам. И это время не осталось в долгу: очень скоро я стал мастером спорта международного класса, мне сулили блестящее спортивное будущее. В тот момент моя ненависть к брату впала в спячку, ушла в глубокий сон. Мне стало не до него и его высот. Я покорял свои. Сложно поверить, но я подспудно начал благодарить брата. За внимание, которое было приклеено исключительно к нему, которое освобождало меня и развязывало мне руки, чтобы заниматься любимым делом в то время, как Даниле приходилось постоянно соответствовать

родительским требованиям.

А потом случилась авария. И я возненавидел брата еще больше...

– Привет, бро, – мой язык заплетается, но я отчаянно боюсь с наваждением.

– О, какие люди! Здорова! – Андрюха, как всегда, весел и трезв. Ненавижу его за это!

– Выпьешь со мной?

– Понедельник, Макс. Так, сколько сейчас? – друг затихает, видимо залипнув на времени. – Одиннадцать часов утра., – сообщает.

– Я в курсе, – раздраженно бросаю.

– Всё настолько хреново? – его голос звенит беспокойно. Вот только этого не надо. – Послушай, Макс, мне кажется, тебе уже хватит и...

– Я не спрашивал тебя, хватит мне или нет, – грубо перебиваю друга. – Я лишь спросил, ты выпьешь со мной? – рявкаю.

– Понял. Где ты?

– На работе.

– Выезжаю.

16. Саша

Понедельник. Как же я ненавижу понедельники!

По иронии судьбы я снова опаздываю! Эх, как в той песне «Нам бы понедельники взять и отменить!». Я бы с удовольствием подписала петицию об отмене первого рабочего дня недели.

Сегодня мне пришлось отпроситься у Георгия Артуровича немного пораньше, чтобы заскочить за продуктами. Нас с Никиткой не было в городе с четверга, а дедушка вчера привез нас только ближе к вечеру. И вот я с полными пакетами в две руки еду на маршрутном автобусе к Филатову. Конечно, можно было взять такси, но три раза в неделю туда-обратно мне выходит в приличную копеечку, которой так опрометчиво разбрасываться я не имею права.

Поэтому сейчас я трясусь в душном автобусе, который еле волочится, обтекаю потом, вдыхаю зловонные запахи пота и делаю дыхательную гимнастику, чтобы удержать себя в руках и не закуситься с тучной женщиной, которая настойчиво прижимается ко мне своей дряхлой грудью.

Данила встречает меня с улыбкой на лице и это приятно. Для него я подготовила хорошие новости: реабилитация проходит успешно, последняя МРТ головного мозга показала положительные изменения! Уверена, он и сам это понимает.

Светловолосый парень в отличие от прошлых занятий сидит на кровати. На нем кипельно-белая футболка-поло и голубые джинсы. Волосы, как обычно, аккуратно зачесаны назад и, если не знать, можно подумать, что перед вами сидит абсолютно здоровый молодой человек.

Я прохожу к рабочему столу и рядом пристраиваю свои сумки. В них есть молочные продукты, но просить положить их в холодильник, думаю, слишком нагло с моей стороны. Надеюсь, они не пропадут за полтора часа занятий и полу-часовой дороги домой.

Даня удивленно приподнимает бровь, а я развожу руками: «Да, что поделать? Оказывается, продукты сами себя не покупают!». Но я не смею его винить в этом бытовом неведении. В каких условиях живет эта семья, я успела узнать.

А дальше наши занятия проходят по отработанной схеме: дыхательная гимнастика, рисунок, логопедические упражнения, решение задач на мышление и память, слушание музыки, чтение книги.

Из нового и сложного – мы стали пробовать разговаривать. Без бумаги и ручки. Вместе стараемся связывать звуки в слова.

Данила сам над собой смеется, когда выходит что-то нелепое и непонятное. Но я искренне радуюсь этим эмоциям. Он раскрепощен, не замкнут и, кажется, сам доволен своими успехами. А уж как счастлива я, можно заметить по моему искрящемуся лицу.

В моей голове давно созрела идея, но осуществлять ее пока еще рано. Данила не готов, я чувствую это.

Сегодня мы начали читать Дэниела Киза «Цветы для Элджернона». Я люблю эту книгу и полностью погружаюсь в фантастический мир произведения, но меня периодически выдергивает Данин взгляд. Каждой клеткой эпителия ощущаю покалывания. Мне не комфортно, словно что-то липкое обволакивает и проникает глубоко под кожу.

Поднимаю глаза и встречаюсь с его серыми омутами, в которых плещется... интерес?

Так, Жукова, тебе это все кажется, в его глазах благодарность и только благодарность, уверяю себя.

– Данила, ты сегодня отлично поработал! – хвалю парня. Встаю и начинаю собирать сумку.

– Са-ша, – вкрадчиво зовет меня Даня.

Я поворачиваюсь к парню и вижу, что в руках у него сверток, обернутый крафтовой бумагой. Данила протягивает его мне и приподнимает брови. На молодом лице благодарная улыбка, а глаза горят ожиданием. Взволнованно принимаю сверток и кручу в руках, не понимая, что с ним делать дальше.

– Распаковать? – спрашиваю.

Данила уверенно кивает.

Бумага приятно шелестит в руках. Аккуратно расправляю все уголки и заломы, будто осознавая всю ценность содер-

жимого.

– Это же... Господи... – я хватаю ртом воздух как рыба, выброшенная на берег.

Мне не хватает слов и эмоций, чтобы выразить свои чувства. Сейчас мы с Филатовым в одной лодке: оба не можем связать и двух слов. Он — по понятной причине, а я — от переизбытка эмоций.

В моих руках коллекционное издание книги Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» и мне страшно представить, сколько оно может стоить.

Данила широко и довольно улыбается.

– Те-бе, – по слогам произносит Филатов.

– Что? Мне? – кажется, что я теряю не только дар речи, но и рассудок.

Смотрю на книгу и не могу поверить своим глазам. «Джейн Эйр» – моя любимая книга и первый роман, который я прочитала Даниле. Он был удивлен моему выбору, и тогда я с ним беспечно поделилась, насколько влюблена в эту невероятную историю.

А он запомнил... И это так... трогательно и приятно.

Бережно оглаживаю красный кожаный переплет с золотым тиснением, перелистываю странички. Белая плотная бумага приятно хрустит в руках, а некоторые странички склеены между собой. Вдыхаю. Свежая печатная краска и типографский клей – непередаваемый аромат. Блаженно зажимаюсь.

– Данила, спасибо, но я не могу принять такой подарок. Прости, – осторожно опускаю книгу на стол и в последний раз прикасаюсь к шедевру.

Но не успев убрать руку, Данила резко накрывает её своей теплой, слегка шершавой ладонью. Смотрю на наши сцепленные руки и ощущаю всю неправильность ситуации. Мне неловко, но парня, кажется, это не смущает. Перевожу взгляд на Данилу: от доброй улыбки не осталось ни следа, зато появилось горькое разочарование. Мне не хочется огорчать парня, тем более тогда, когда у нас установились такие доверительные отношения, но и принять такой дорогостоящий подарок я тоже не могу.

Это ведь к чему-то да обязывает? Или я опять накручиваю себе то, чего нет?

17. Максим

Я еду в сторону нашего коттеджного поселка практически трезвый.

После телефонного разговора друг приехал за мной через полчаса и забрал мою пьяную задницу с собой. Но вместо того, чтобы составить мне компанию по уничтожению моей печени, Андрюха, чертов праведник, заставил меня прыгать в бодрящий бассейн.

В юношеской спортивной школе, где работает Юдин, друг поставил мне ультиматум: либо я плыву гребаные два километра, либо он мне больше не друг. Так себе угроза.

Обматерив и послав Юдина во всех возможных направлениях, я сдался и принялся разрезать водную гладь мощными, агрессивными движениями. Я плыл с остервенением, вымещая накопившуюся злость и ярость, плыл до боли в мышцах и суставах, плыл, пока меня не начало трясти то ли от холода, то ли от опустошения. Но протрезвел я окончательно в сауне, где друг исступленно исколотил меня веником, выбив остатки алкоголя, гнева и всякого надуманного дерьма.

Замечаю её медовые волосы издалека. Их любезно треплет теплый майский ветер. И я ловлю себя на мысли, что чертовски завидую ему. Интересно, какие они на ощупь? Уверен, что мягкие и шелковые как персидский атлас.

Девчонка шагает к остановке, уткнувшись себе под ноги,

груженная полными пакетами. Её руки напряжены под весом сумок, спина ссутулена, а губы что-то тихонько шепчут себе под нос. Ну точно ненормальная!

Знаю, что мне нет никакого дела до нее и нужно просто проехать мимо, но я отчего-то медлю, а потом и вовсе останавливаю своего Камара. Она не замечает меня и проходит мимо. Отстегиваюсь, выхожу из машины и догоняю девушку, выхватывая у нее из одной руки пакеты. Что, черт возьми, она туда наложила?

– Что... Что происходит? – оглядывается с испуганными глазами. – Ааа, это вы, – фыркает недовольно.

– Ага. Остальные сумки давай.

– Зачем? – встает в позу.

Аррр, что ж сложно так?

– Подвезу, говорю, тебя, – терпение не мой конек, я быстро закипаю и уже жалею, что проявляю благодушие.

Но к моему огромному удивлению, мегера не сопротивляется и с радостью впаривает мне свои баулы.

– Вот, оказывается, куда пропадает сваленный дикий камень возле беседки, – выворачиваю руль в сторону центральной дороги.

– Что, простите? Я не понимаю, – озадаченно смотрит на меня своими колдовскими зелеными глазами, пристегивая ремень безопасности.

– Сумки, говорю, неподъемные.

– Ааа, да, подворовываю у вас, – парирует рыжая.

Усмехаюсь.

— Куда? В детский сад?

— Конечно, — устало вздыхает и прикрывает глаза.

Сейчас, когда ее веки опущены, когда несносный рот молчит, а тело максимально расслаблено, она выглядит юной и беззащитной. Маленькой большой женщиной. Я рассматриваю ее лицо, на котором веснушек стало больше, ее подрагивающие ресницы, маленькую, едва заметную родинку над губой, аккуратный прямой нос и бледные губы. На девчонке кроме туши на ресницах нет никакой косметики, а на ногтях ее пальцев, удерживающих тот самый потрепанный жизнью рюкзак с нашей первой встречи, поблёскивает бесцветный лак. Голые острые коленки крепко сведены вместе, а серое плотное платье слегка задралось. В ней нет ничего особенного, говорю я себе. Она совершенно не соблазнительна и не в моем вкусе, но этот случайно открывшийся моему взгляду небольшой участок светлой кожи на бедре действует на меня, как красная тряпка на быка. А еще мне до безумия хочется дотронуться до ее волос, пропустить их сквозь пальцы, проверить, насколько они мягкие и шелковистые.

Кручу головой, пытаюсь стряхнуть с себя накативший дурмань морок.

— И как? — вдруг произносит девчонка, уставившись на меня одним глазом.

Поднимаю вопросительно бровь.

— Ну вы смотрели. Вернее, рассматривали меня, — распа-

хивает очи, блестящие игривостью.

Она что, флиртует со мной? Да быть такого не может.

– Я проверял дыхание. Слишком долго длилось твое молчание.

– Значит, переживали за меня? – вот опять. Это она так заигрывает?

– С чего бы? Думаю, у тебя есть тот, кто должен это делать, – подмигиваю.

– Вы хотите узнать, замужем я или нет? – она прищуривается, а на лице играет ухмылка.

Ей идет эта невинная игривость: румяные щеки, блеск в глазах, милые морщинки, появляющиеся вместе с улыбкой.

– Мне не нужно узнавать, чтобы быть абсолютно уверенным в том, что мужа у тебя нет, – смотрю на нее вызывающе и растягиваю губы в злорадной ухмылке. – И отсутствие кольца на пальце тут не при чем.

Рыжая молчит и выжидательно смотрит, мысленно требуя от меня продолжения.

– Я думаю, вряд ли найдется на свете такой несчастный, который смог бы тебя вытерпеть.

У девчонки комично расширяются глаза, но она предпочитает ничего не ответить, лишь обиженно задрав подбородок.

Бросив в меня взгляд с ядом, отворачивается к окну.

Закусываю губу, чтобы не заржать. Сейчас она похожа на маленького огорченного ребенка, которого хочется пожа-

леть. До сих пор не понимаю, как она работает со взрослыми людьми и самостоятельно воспитывает ребенка. Ее место в детском саду: лепить с малышкой птичек из пластилина.

Мы подъезжаем к знакомому мне адресу, и девчонка резво выскакивает из машины, оставляя свои пожитки на заднем сидении. То есть она уверенна, что я их дождусь. Ухмыляюсь. То ее под угрозой расстрела в машину не затащишь, то избавиться не вариант.

Первым из калитки выходит голубоглазый, вернее не выходит, а выпрыгивает и несется в сторону машины. Я невольно улыбаюсь, этот парень мне определенно нравится.

Выхожу из машины, когда голубоглазый подбегает, и протягиваю ему руку, приветствуя:

– Привет, Шумахер!

– Привет, Макс! Привет Бамблби! – улыбается во все свои молочные.

– Что ты там сказал? Бам... кто?

– Бамблби! Ты что, не смотрел Трансформеров? – удивляется пацан, будто я ляпнул, что Земля плоская.

Растерявшись, смотрю на подошедшую к нам девчонку и пытаюсь найти в ней поддержку. Она закатывает глаза и улыбается.

– Бамблби – это герой фильма про роботов, – пздц, помогла, блть, аж стало сразу все понятно.

– Да, мой любимый автобот! – воодушевленно вещает пацан.

– Окей, дружище, я понял, а мой Камар-то тут причем? – делаю вид, что понял.

– Бамблби превращался в точно такого же Chevrolet Camaro. Это, – поучительно указывает на мою машину, при этом закатывая глаза, – прототип Бамблби.

Я нихера не понял, но раз режиссёры выбрали для фильма эту модель, значит у меня хороший вкус. Это приятно тешит мое самолюбие, блть.

Перекладываю сумки в багажник, освобождая задние кресла. Пацан ловко запрыгивает назад, а его мамаша, к моему изумлению, садится на переднее пассажирское.

Останавливаю машину возле старой панельной девятиэтажки и выхожу вместе со всеми. Хватаю неподъемные пакеты под непонимающе-удивленный взгляд рыжей. Она считает, что я позволю ей тащить эти гири? Я, конечно, не благородный рыцарь, но и не последняя сволочь. Хотя я сволочь, но и не последняя.

– Я донесу, – поясняю, раз уж сама не догоняет.

– Спасибо, но не стОит, – вредничает.

– А я не спрашивал.

– Пошли, Макс, – тянет за руку за собой мальчонка. Никитос, все-таки, гораздо смышленнее своей бестолковой мамы. – Пока, Бамблби!

Мы с парнишкой идем впереди, а вредина плетется за на-

ми сзади. Когда мы заходим в подъезд, я мысленно готовлюсь увидеть и прочувствовать все прелести старых панелек: невыносимый смрад, исходящий из мусоропровода, старые разбитые окна, обвисшие почтовые ящики, окурки, грязь, обоссанные углы и лифт «привет клаустрофобам». Но какое мое изумление, когда я вижу цветы в горшках на окнах и чистые выкрашенные стены.

– А вы, должно быть, ожидали алкашей с наркоманами увидеть? – слово прочитав мои мысли, спрашивает девчонка.

– Честно, да, – признаюсь.

Рыжая беспечно пожимает плечами и поднимается на второй этаж, копошится в рюкзаке, выискивая ключи.

Первым в квартиру запрыгивает Шумахер, а его мамаша придерживает дверь, пропуская следом меня. В прихожей тесно и нам втроем крайне сложно разойтись, не задев друг друга. Я ставлю пакеты на пол и разворачиваюсь лицом к выходу, но сталкиваюсь в дверях с рыжей ведьмой, которая смотрит на меня своими изумрудами. Она намного ниже меня и едва ли достает мне до плеч. Мы стоим очень близко к друг другу, и я отчетливо слышу ее учащенное дыхание. Или это мое?

Меня волнует. Волнует ее запах, так упоительно наполняющий мои легкие ароматом магнолии, сладкой ванили и медовыми яблоками. Он, несомненно, подходит к ее солнечной пшеничной шевелюре, зеленым глазам и янтарным веснуш-

кам. Я опять чувствую дикую потребность прикоснуться к ее волосам и втянуть в себя их запах: чувственный, обволакивающий, женственный. Меня волнуют ее бледные, слегка потрескавшиеся губы, по которым хочется провести языком, увлажняя и наполняя живительной влагой.

– Макс, а ты с нами поужинаешь? – меня выдергивает из мира фантазий и бросает сюда, в тесную квартирку, где живут двое и где мне совершенно нет места.

18. Саша

Этот неловкий момент.

И ты, вроде, понимаешь, что по правилам приличия должна пригласить пройти в квартиру, предложить чай или кофе, но вы – не друзья и даже не знакомые, вы – ненавидящие друг друга люди.

Но как же неловко, Господи!

– Маам, – дергает меня за рукав Никитка, – Макс же останется с нами покушать?

– Эмм... Я не знаю... Ему, наверное, нужно торопиться и ... – запинаясь и красноречиво смотрю на этого огромного обезьяна, надеясь, что он самостоятельно попрощается и покинет наш с сыном дом.

– Я останусь, – перебивает меня нахал и начинает активно разуваться.

– Урааа! – ликует Никитка и несется в комнату, пока я ошарашенно моргаю глазами.

Останется? В смысле? Как это?

Нет, нет, нет! Мы так не договаривались!

Хочу возразить, но этот наглец с легкостью прихватывает с пола сумки и направляется в сторону кухни.

А откуда он знает, где в моей квартире кухня?

Следую за ним, и когда мы остаемся на кухне вдвоем, прикрываю дверь.

– Если ты... то есть вы согласились, чтобы не обидеть Никиту, то вовсе не обязательно нарушать твои... ваши...

– А че на ужин? – не церемонясь. – С утра ни че не ел, – шаркает глазами по газовой плите.

Вот так просто, да?

– Тушеное мясо с рисом, – отупело говорю я.

Господи, Жукова, очнись! Ты правда собралась его кормить?

«Но он же ехал с работы, возможно, голодный. Не погнушался изменить свои планы и помочь тебе с тяжелыми сумками», – подзуживает мой внутренний голос.

Мне хочется крикнуть ему – «заткнись!», но не успеваю.

– Это типа плов? – усмехаясь, выгибает бровь наглец.

– Это типа отдельно тушеного мяса и отдельно сваренного риса, – поясняю.

Он что, никогда не ел обычную человеческую еду? Какими же деликатесами баловала их повариха?

– Годится, – лениво бросает Филатов, будто делает мне огромное одолжение.

Неужели его Высочество Заносчивая Задница снизойдет до нас смертных и отведаст нашу мирскую пищу?

Дверь резко открывается и в кухню влетает взъерошенный Никитка с горящими, как факел, глазами.

– Макс, пойдем! Я покажу тебе кто такие Трансформеры, – довольный ребёнок утягивает нашего непрошенного гостя в комнату, а я остаюсь одна в полном непонимании и

смятении.

У меня очень странные и противоречивые ощущения. Я здесь, в своей квартире, всё привычно и знакомо, за исключением понимания того, что сейчас в комнате мой сын не один. С ним мужчина. И он – не мой отец, не Леон, редко заглядывающий к нам в гости, не сантехник или слесарь по вызову. Он – мужчина: чужой и не мой, не близкий и не знакомый, но отчего-то волнующий до вспотевших ладошек.

Механически совершаю привычный порядок действий: мою овощи, нарезаю салат, подогреваю кастрюли с едой. Но по неизвестной причине я достаю праздничный салатник вместо бывалой глубокой суповой тарелки, аккуратно нарезаю треугольничками хлеб, расставляю тарелки из мамино-го сервиза. И спрашиваю себя: «Жукова, ты собираешься произвести впечатление на вот этого наглеца с дьявольскими ямочками?». Да брось, ведь он даже не заметит твоего немецкого фарфора.

Стискиваю кулаки и делаю долгий выдох и два коротких. «Гостеприимство! Я просто проявляю гостеприимство! Я воспитанная дочь своих родителей! Он поест и уйдет!» – подключаю аффирмации и чувствую, как они начинают работать.

Разглядываю стол: три тарелки, три вилки. Это так непривычно и странно, будто твой прежний, сложившийся годами уклад вмиг без твоего разрешения трансформировали, вторглись на твою личную территорию, а как с этим суще-

ствовать не объяснили.

Я стою в дверном проеме нашей единственной комнаты и вижу картину, поражающую меня точно в сердце, которое бесцеремонно разгоняет по венам дофамин. Смесь из моих противоречивых чувств подобна ядерному взрыву и смотреть на то, как эти двое сидят на ковре бок о бок и смотрят пресловутых Трансформеров – выше моих моральных сил. Мужская идиллия, черт бы её побрал!

В носу начинает щипать, а глаза увлажняются. Я не должна проникаться и придумывать себе того, чего нет и быть не может. По крайней мере с этим наглецом. Поэтому старательно сдерживаю себя и, крепко зажмурившись, ухожу обратно на кухню.

Именно так выглядит обычная среднестатистическая семья: уютный дом, заботливая жена, накрывающая стол к ужину, счастливый ребенок и любящий муж и папа. Только вот незадача – мы не семья, а мужчина, находящийся в моей квартире, ненавидит меня так же, как и я его. И ничего с этим не попишешь.

– Ужин готов! – кричу из кухни, развязывая фартук.

Я не успела переодеться, собрала только волосы в высокую гульку на голове.

Они заходят вместе и на кухне тотчас становится слишком тесно. Какой же Максим все-таки высокий! А эти его широкие плечи... Чем они так натренированы? Академической греблей?

Никитка гордо усаживается на свое привычное место, а я замечаю, как наглец пристраивается на мое.

Ладно.

«Гостеприимство. Гостеприимство», – как мантру повторяю я.

Мне не стыдно за свою стряпню, и я абсолютно уверена, что получилось съедобно. За те годы, что мы прожили здесь с мамой, она поднатаскала меня в хозяйстве и быту.

– Приятного аппетита! – подсознательно желаю всем сидящим за столом.

– И тебе, мам! – радостно лепечет сынок.

Напрягаюсь, когда замечаю Филатова, замершего с вилок. Желваки на его скулах перекатываются, а губы стискиваются в тонкую полоску. Я не могу считать его эмоции, но ощущение такое, будто он в первый раз слышит подобное обращение за столом и не знает, что с этим делать.

– Спасибо, – понуро опускает глаза в тарелку. – И вам.

Некоторое время парень разглядывает содержимое своей тарелки, не решаясь попробовать. Затем переводит взгляд на меня, прищуривается и пытается что-то прочесть в моем лице.

– Надеюсь, я выживу?

Что? Да за кого он меня принимает? Хотя...

– Позже узнаем! – пожимаю плечами и берусь за свою вилку.

Мерзавец посылает мне ответную ухмылку, полную стра-

дания, но в итоге подцепляет кусочек мяса и отправляет себе в рот. В отличии от Никитки, который без энтузиазмаковыряет вилкой рис.

Пока я хлопаю ресницами, Мистер Дьявольские ямочки с аппетитом уплетает ужин, оставляя тарелку практически идеально пустой, чего не скажешь о моей. Всё от того, что мне не лезет кусок в горло. Просто это слишком для меня: мужчина, ужинающий на моей кухне, его близость, всполохнувшая мои рецепторы, сын, заглядывающий с восхищением в рот этому мужчине.

Боже... Устало прикрываю глаза.

– Как на счет добавки? – распахиваю глаза и смотрю в пустую тарелку Филатова.

Вот это я понимаю – здоровый мужской аппетит!

– К-конечно, – подрываюсь к кастрюлям и выгребаю остатки еды. – Вот, Никита, смотри, как должны питаться настоящие мужчины!

Это я сейчас так сказала? Не хватало еще, чтобы этот осел решил, что я считаю его «настоящим мужчиной». Ругаюсь на себя на чем свет стоит и со злостью шмякаю слипшийся рис в тарелку мерзавца.

На его лице сияет задорная улыбка. Весело ему, ты смотри-ка.

Недоброжелательно плюхаю перед ним тарелку и сажусь на место.

– Спасибо, – не сводит с меня смеющихся глаз. Улыбает-

ся так пригаденько. – Значит, «настоящий мужчина»? – насмешливо выгибает бровь.

И ведь знает, гад, что сейчас я не смогу опровергнуть сказанное, поэтому нагло пользуется этим.

– Конечно! Все спортсмены хорошо кушают, ведь им нужны силы, – нахожусь с ответом я.

– Макс, а ты тоже футболом занимаешься? – загораются глаза у сына. Футбол – это его всё!

– Нет, я пловец, – ах, вот оно что! Значит, пловец. Как же я раньше не догадалась?! – И твоя мама абсолютно права: правильное и здоровое питание —залог успеха. Так что ешь, иначе я твою порцию доем, – выразительно кивает на полную тарелку Никитки.

И если это не чудо внушения и гипноза, то я умываю руки, потому как после незамысловатых и весьма посредственных слов грубияна, Никитка орудует вилкой так, как никогда ранее.

И что? Вот так просто, да? А сколько я танцев с бубнами перетанцевала, сколько уговоров, спекуляций и шантажа конфетами и мультиками перепробовала – бесполезно.

–Мам, Макс, смотрите, я все съел! – гордо заявляет сын, демонстрируя пустую тарелку!

Поблагодарив за ужин, Никитка вскакивает с места и близко подходит к нашему гостю. На его лице палитра из обожания и раболепия.

– А ты посмотришь со мной еще «Трансформеров»? –

шепчет на ухо Максиму так, будто это их личный секрет.

Я напрягаюсь. Это выглядит настолько лично и сокровенно, что я чувствую себя здесь лишней и виноватой, что подслушала то, что сказано не для моих ушей.

Замечаю, как напрягаются плечи Филатова. Его взгляд растерянно мечется от пустой тарелки до меня и обратно. Неужели мистер «мне на всех и на все пофиг» нервничает? Нервничает перед ребенком? Максим смотрит на меня с немым вопросом, а я пожимаю плечами, давая ему право выбора определиться с решением самостоятельно.

Филатов по-мужски скупое еле заметно кивает.

– Спасибо, – все так же на ухо шепчет ему Никитка и уносится в комнату, оставляя нас одних.

Моя кухня и так мизерная, но сейчас она сжимается до микроскопических размеров, где ясно ощущается напряжение. Воздух вокруг нас наэлектризовывается и мне становится трудно дышать. Рядом с этим мужчиной.

– Спасибо, – одновременно произносим мы и оторопело смотрим друг на друга.

Я не понимаю, что происходит, но меня штормит, как подростка. Не знаю, чем занять руки, поэтому хватаю салфетку и начинаю рвать ее на мелкие кусочки. Кажется, мне самой нужен психолог. Прямо сейчас, вот в эту самую секунду, потому что то, что происходит со мной необъяснимо даже мне как специалисту.

Мерзавец наблюдает за салфеткой, ухмыляясь. Его губы

сексуально растягиваются, а я нервно сглатываю. Черт.

– Я хотел сказать – спасибо за ужин.

– А я – спасибо за сына, – вот черт, как-то неоднозначно прозвучало, поэтому спешу себя поправить. – Ну в том смысле, что убедили Никиту поесть. У нас с этим небольшие проблемы. Еще с младенчества, – под внимательным взглядом Филатова кромсаю несчастную салфетку.

– Прости, – выдыхаю и кручу головой. – Не знаю, зачем я это тебе... то есть вам... – кажется, я схожу с ума, а мой диплом психолога сгорает от стыда на полке.

Мой поток несуразного бреда прерывает мелодия моего мобильного. Где-то из прихожей разносится по квартире трель, и я прошу Никитку принести телефон.

Сын прибегает на кухню, удерживая в одной руке мой гаджет, а в другой... книгу.

– Мам, а это у тебя откуда? Можно посмотреть?

Мой телефон натужно разрывается, высвечивая имя Георгия Артуровича. Мне приходится срочно ответить, потому что просто так вне работы и тем более в такой поздний час Манукян звонить не будет.

– На работе подарили, – первое, что приходит в голову, бросаю я и выбегаю из кухни.

В принципе, я не соврала. Ведь эту книгу Даня подарил мне во время нашей с ним работы, но почему-то чувствую я себя лгуньей. Оставляю мысли на потом и переключаюсь на Манукяна, который доходчиво сообщает о том, что по-

сле обеда, пока я занималась с Даней, у моей «пациентки» из стационара случилась паническая атака. Дежурный психотерапевт назначил женщине Феназепам, от чего она вскоре уснула.

Меня эта информация крайне удивляет и огорчает, потому что сегодняшним утром мы с ней встречались и ее эмоциональное состояние было стабильным. Женщина даже пыталась шутить. Что успело произойти?

В то время, как Георгий Артурович просит меня отнестись со всей внимательностью к «пациентке», из прихожей доносится громкий удар, отчего я чуть не роняю телефон.

Поспешно выбегаю из комнаты, попутно прощаясь с начальством, и натыкаюсь на стоящего в прихожей обескураженного Никитку.

– Что случилось? – обращаюсь к сыну. – Откуда грохот?

– Макс ушел, – расстроенно отвечает.

– Как ушел? – ничего не понимаю.

– Не знаю. Просто встал и ушел, – обиженно дует губки Никитка. – Он обещал досмотреть Трансформеров со мной, – бубнит.

– Просто взял и ушел? Ничего не сказав? – я недоверчиво смотрю на сына.

Никитка кивает и несчастно опустив головку, плетется в комнату.

Что такого могло произойти за пять минут моего отсутствия, чтобы человек, не попрощавшись, выскочил из квар-

тиры, хлопнув при этом дверью?

Захожу в кухню и вожу глазами: книга брошена на стуле, в раковине – тарелка и одна вилка, а на столе – моя с нетронутым ужином и пустая Никиткина. Будто тут и не было никого. Только запах цитруса и древесных переливов говорит о том, что мне не показалось. Он здесь был... Мужчина...

19. Максим

Вворачиваю кулак в почтовые ящики на первом этаже. Мне срочно необходимо выплеснуть свою разрушительную энергию, пока я не разнес гребанную планету к чертовой матери.

Садиться за руль в таком состоянии как минимум чревато стихийными последствиями, и пусть в моей башке тараканы отплясывают безумный фокстрот, но я еще в состоянии здраво расценивать свои действия. Поэтому устраиваюсь на лавочке детской площадки и прикуриваю сигарету. Расслабляющий дым проникает в легкие и разливает никотин по венам. Жадно затягиваюсь, ощущая как крамольные мысли водят хороводы в башке. Встряхнув головой, достаю телефон, набираю Андрюху и предупреждаю о том, что собираюсь подъехать к нему в бассейн. Остудить мозги и пыл мне сейчас крайне необходимо, иначе взорвусь.

Когда рыжая зараза ускакала с телефоном из кухни, мы остались с пацаном вдвоем. В руке он держал книгу, которая заинтересовала меня ни сколько ее содержанием, сколько до боли знакомым блинтовым штампом. Такой штамп использует только одна единственная мастерская, выпускающая коллекционные издания в эксклюзивном оформлении, и эта студия мне хорошо известна. Ее основатель Вяземский хороший знакомый моего отца. На мое шестнадцатилетие

Адам Давидович подарил мне книгу ручной работы с точно таким же тиснением. Его работы достаточно дорогие издания, и чтобы приобрести такие коллекционные книги, нужно выложить круглую сумму бабла.

«Джейн Эйр». Слезливый английский роман, но рыжей ведьме он бесспорно подходит. Это определенно ее книга. Собираясь вернуть пацану издание, я случайно наткнулся на подпись, сделанную на обложке книги с внутренней стороны. Мне был хорошо знаком этот почерк: витиеватый, крупный и размашистый.

С любовью и благодарностью,

Д.

И не сложно было догадаться, кто подразумевался под буквой Д.

«На работе подарили», – соврала зеленоглазая ведьма.

Меня переполняет убийственный коктейль из эмоций. Выкуриваю на детской площадке уже третью сигарету подряд, а меня все никак не отпускает. Долбанный Ромео сначала пишет ей стишки, а потом дарит подарки. Что, мать вашу, происходит? Мой братец втюрился в свою мозгоправку?

Усмехаюсь: видимо ты прекрасный специалист, Александра Вячеславовна, раз так качественно сумела промыть брату мозг и буз труда влезть в него же. Мне хочется зааплодировать, но вместо этого я бросаю окурок в песочницу и иду к своему автомобилю.

«С любовью...»

Зараза.

Не понимаю, на кого сейчас злюсь больше: то ли на брата с его чертовой «любовью», то ли на нее, так искусно умеющую притворяться и добиваться своего, то ли на себя, потому что мне не все равно. Мне, вашу мать, отчего-то не все равно.

Я уверяю себя, что мне не должно быть никакого дела до нее, до него и до их отношений. Мне на всех плевать. Я – отморозок. Но зачем-то втапливаю педаль газа в пол и сжимаю руль до побелевших костяшек.

Мне все равно...

Но мне, черт возьми, не все равно...

20. Саша

В этом году невероятная весна: таких продолжительных теплых дней я уже не помню давно.

Скрестив ноги в щиколотках, разглядываю белые пушистые облака, плывущие по голубому небу. Теплый майский ветерок подгоняет незамысловатые фигурки облаков, а в воздухе витает запах цветущего ириса. Этот запах дарит ощущение гармонии, спокойствия, и я блаженно прикрываю глаза, вдыхая сладкий, цветочный аромат.

Сегодняшнее занятие мы решили провести на свежем воздухе. Здесь, в беседке на заднем дворе, Данила описывает на бумаге свою весну такую, какой он её видит. А я же наслаждаюсь теплыми лучами солнца и свежей зеленью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.